

ЭХО

הז

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит Адольфа Гомана

Йегуда Амихай

יהודה עמיחי

СТИХИ

שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Иегуда АМИХАЙ



(1924-2000)

Содержание

תוכן העניינים

[Краткая биографическая справка](#)

על יהודה עמיחי

[Когда я был ребёнком](#)

בהיותי ילד

[Мама испекла мне весь мир](#)

אמי אפתה לי את כל העולם

[Мы двое вместе и каждый сам по себе](#)

שנינו ביחד וכל אחד לחוד

[Господь милосерден к малышам](#)

אלהים מרחם על ילדי הגן

[Песня клубка ниток иголке](#)

שיר החוט למחט

[Короткие стихотворения](#)

שירים קצרים

[Но посмотри, как велика](#)

אבל ראי

[Мы здесь любили \(цикл сонетов\)](#)

אהבנו כאן [מחזור סונטות]

[Бог, преисполненный милосердия](#)

אל מלא רחמים

[Я не готов](#)

אינני מוכן

[Из троих или четверых](#)

משלשה או ארבעה בחדר

[Не как кипарис](#)

לא כפרוש

[Приходи поиграть](#)

בואי נשחק

[Между двумя точками проходит только одна прямая](#)

דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

[Ко дню рождения](#)

ליום הולדתי

[Матери](#)

לאם

[Поэт](#)

משורר

[Молодой Давид](#)

דוד הצעיר

[Что касается мира](#)

אשר לעולם

[Прощай!](#)

היי שלום

[Иль, скажем , скорбь](#)

כגון יגון

[Ты тоже устала](#)

גם את עיפת

[В моё время, в твоём месте](#)

בזמני, במקומך

[Страшно опознавать](#)

נורא הוא לזהות

[Отец мой, Царь мой!](#)

אבי, מלכי

[Бык возвращается](#)

הפר חוזר

[Мне ещё предстоит](#)

שאצטרך

[Судьба Бога](#)

גורל אלהים

[Иди, иди](#)

לכי לכי

[В те дни в это время](#)

בימים ההם, בזמן הזה

[Не быть, быть, не быть](#)
[Гайдн. Опус 76 №5](#)
[Умерла Лея Гольдберг](#)
[И не для того, чтобы помнить](#)
[Что-то особенное для листьев](#)
[Встреча со старым другом](#)
[П е с н я](#)
[Проводи меня](#)
[Песня любви](#)
[Есть у меня мёртвые](#)
[Слова – это ступени](#)
[Тот, кто забывает](#)
[Печаль в глазах и картины пути](#)
[Другая песня любви](#)
[Мы были близки](#)
[Рекомендательное письмо](#)
[Помнить – это своего рода надежда](#)
[В годовщину](#)
[Человек возле реки в тумане](#)
[Я нашёл тебя](#)
[Доктор Нахум Голдман](#)
[По бульвару, где никого нет](#)
[Когда мне придётся](#)
[Кто это может](#)
[Мой спящий сын](#)
[Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила](#)
[Помните и напоминайте](#)

[Песни Земли Сиона и Иерусалима \(1-39\)](#)

בְּדִיקַת עֵינַיִם
לֹא לִהְיוֹת וּלִהְיוֹת, לֹא לִהְיוֹת
הַיָּדוֹן, אֹפּוֹס 78, מֵס' 5
לֹא הַגּוֹלְדֶּבֶרְגַּם מֵתָה
* (וְלֹא עַל מִנְתָּ לְזָכֹר אֶתָּה)
לְעֵלִים מִשְׁהוּ מִיָּחָד
פְּגִישָׁה עִם יָדִיד וְתִיק
שִׁיר
לִנִּי אוֹתִי
שִׁיר אֶהְיֶה
יֵשׁ לִי מֵתִים
הַמֵּלִים הֵן מִדְּרָגוֹת
מִי שְׁשׂוֹכֵחַ
עֲצָבוֹת עֵינַיִם וְתַאוּרֵי מִסָּע
שִׁיר אֶהְיֶה אַחֵר
הֵינּוּ קְרוֹבִים
מִכְתֵּב הַמִּלְצָה
לְזָכֹר הוּא מִיָּן תִּקְוָה
בְּיוֹם הַשָּׁנָה
אָדָם לֵיד נֶהָר עִם עֶרְפֶּל
מִצַּאתִי אוֹתָךְ
דּוֹקְטוֹר נַחוּם גּוֹלְדֶּמָן
לְאוֹרֶךְ הַשְּׁדֶרָה שֶׁאֵין בָּהּ אִישׁ
כְּשֶׁאֲצִטְרֹךְ
מִי זֶה יִכּוֹל
יְלָדִי הִישָׁן
אִמַּרְתִּי לָךְ שִׁיְהִיָּה כֹךְ - וְלֹא הָאִמַּנְתָּ
זָכְרוּ וְהַזְכִּירוּ

שירי ארץ ציון וירושלים

Краткая биографическая справка

АМИХАЙ Иегуда (1924-2000) – израильский писатель – поэт, прозаик и драматург, один из зачинателей и наиболее ярких представителей «новой» израильской поэзии второй половины XX-го века..

Иегуда Амихай родился в Вирцбурге (Германия). В возрасте 11 лет переехал с родителями в Палестину. Во время Второй мировой войны служил в Британских войсках. В Войне за независимость Израиля участвовал в боях в Нэгеве. Изучал ТАНАХ и ивритскую литературу в Еврейском университете в Иерусалиме. Работал учителем в школе, преподавал в академиях в Израиле и за границей.

Первый сборник стихов Иегуды Амихая – «Сейчас и в другие дни» был опубликован в 1955г. С тех пор вышло в свет много поэтических сборников («Стихи 1948 – 1962 г.г.», «За всем этим кроется большое счастье», «Время», «Песни любви» и др.), роман «Не сейчас и не отсюда» (1963), сборник пьес для радио (1968), книги стихов для детей. Стихи Амихая переведены на 35 языков, некоторые положены на музыку.

Творчество Амихая не раз отмечалось различными премиями, а в 1982г. он был удостоен Государственной премии Израиля.

Иегуда Амихай умер в 2000г.

Иегуда Амихай по праву считается поэтом, с творчеством которого связана революция в израильской поэзии. Он принадлежит к поколению, на долю которого выпала задача не формулировать идеалы и чаяния народа, а непосредственно участвовать в их воплощении, выполнять реальную работу по созданию и защите молодого еврейского государства. Эта реальность, конкретность отразилась в тематике и образном строе его стихотворений и потребовала соответствующих поэтических средств, в частности, отказа от симметрии формы (рифмы, чёткого ритма) в пользу большей текучести, естественности поэтической речи.

Язык стихов Амихая прост, полон обыденных слов и выражений, но, вместе с тем, опирается на всё богатство многовековой еврейской культуры. Его метафоры остроумны, точны, полны силы и неожиданны.

Произведения Иегуды Амихая очень личные. Поэт, чаще всего, говорит от первого лица, описывает конкретные события, дающие толчок переживаниям и обобщениям. Недаром, в стихах Амихая так часто встречаются слова «сейчас» и «здесь».

Главные темы поэзии Иегуды Амихая – любовь, ревность, разлука, война, воспоминания о прожитой жизни, о родителях (особенно – об отце, образ которого присутствует во многих стихах поэта) и т.п., причём в неожиданных сочетаниях, что придаёт стихам свежесть и силу. Общий настрой их элегический, в них нет шума, восклицаний, всплесков эмоций. Соответственно видится Амихаю и роль самого поэта: не вождь, не пророк, а участник, один из многих. Новизна стиля и тематики поэзии Амихая вызвали определённое неприятие со стороны израильского культурного истеблишмента. В 50-60е годы его стихи печатались неохотно. Вместе с тем, критика в его адрес зачастую была вполне обоснована.

Из книги "Сейчас и в иные дни" (1955)

Когда я был ребёнком

Когда я был ребёнком,
Вдоль берега высились травы и мачты.
И я, лёжа там,
Не делал различия между ними,
Ведь все они поднимались надо мной до неба.
Только слова мамы были со мной,
Как ломтик хлеба, обёрнутый в шуршащую бумагу.
И я не знал, когда вернётся отец,
Потому что в просвете леса виднелся другой лес.

Все вещи протягивали ко мне руки,
Бык бодал рогами солнце,
Ночами свет с улиц ласкал
стены и мои щёки,
А луна, как большой горшок, сама собой наклонялась
И поила мой неутолимый сон.

Мама испекла мне весь мир

Мама испекла мне весь мир,
Как сладкий пирог.
Любимая наполнила моё окно
Изюминками звёзд.
Но тоска сокрыта во мне, как пузырьки воздуха
В буханке хлеба.
Снаружи я гладкий, спокойный, румяный.
Мир любит меня.
Но волосы мои печальны, как тростник в высыхающем болоте, —
Все редкие птицы в красивых перьях

מהספר "עכשיו ובימים האחרים"

בהיותי ילד

בהיותי ילד
עמדו עשבים ותרנים ליד החוף,
ואני בשכבי שם
לא הבדלתי ביניהם,
כי כלם עלו השמימה מעלי.
רק דברי אמי היו אתי
כפרוסה עטופה בנר מרשרש
ולא ידעתי מתי ישוב אבי,
כי היה יער אחר מעבר למחשוף היער.

כל הדברים הושיטו יד,
פר גנח את השמש בקרניו,
ובלילות לטף אור הרחובות
את לחיי עם הכתלים,
והירח, ככד גדול, הטא את עצמו
והשקה את שנותי הצמאה.

אמי אפתה לי את כל העולם

אמי אפתה לי את כל העולם
בעוגות מתוקות.
אהבתי מלאה את חלוני
בצמוקי כוכבים.
והגעגועים סגורים בי כבועות אויר
בכפר הלחם.
מבחוץ אני חלק וְשקט וְחום.
העולם אוהב אותי.
אך שערי עצוב כגמא בבצה המתִיבֶשֶׁת והולֶכֶת —
כל הצפרים הנדירות ויפות הנוצה

Разлетаются от меня.

נסִיּוֹת מִמֶּנִּי.

Мы двое вместе и каждый сам по себе

"Оба вместе и каждый в отдельности"...
(из договора об аренде)

Вновь лето качелями мчит – не догнать.
Вновь, девочка, пуст луна-парк, и опять
Отец не придёт, очевидно, ко мне.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Морской горизонт растерял все суда:
Нельзя удержать что-нибудь навсегда.
Бойцы за горой ждут, готовы к боям.
Как нужно сейчас милосердие нам!
Мы вместе и каждый сам по себе.

Меж двух врагов место нашли мы для встреч.
Над облаком месяц поднял серп, как меч.
Мы ляжем с тобой, где ни встать и ни сесть.
Ведь шанс изменить всё у нас ещё есть.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Любовь к тебе преобразила меня,
Как море солёное – в капли дождя.
Прижми меня крепче, ведь время не ждёт.
К нам ангел-спаситель, увы, не придёт.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Господь милосерден к малышам

Господь милосерден к малышам,

שְׁנֵינוּ בִּיחַד וְכָל אֶחָד לְחֹדֶד

"שניהם ביחד וכל אחד לחוד"...
(מתוך חוזה שכירות)

יֵלְדָה שְׁלִי, עוֹד קִיץ עֶבֶר
וְאָבִי לֹא בָא לְלוּנָה-פָּרֶק.
הַנִּדְנוֹת מוֹסִיפּוֹת לְנוֹד.
שְׁנֵינוּ בִּיחַד וְכָל אֶחָד לְחֹדֶד.

אֶפֶק הַיָּם מְאֻבָּד סְפִינוֹתָיו –
קָשָׁה לְשֹׁמֵר עַל מִשְׁהוֹ עֵכָשׁוֹ.
מֵאַחֲרֵי הָהָר חָכּוּ הַלּוֹחֲמִים.
כְּמָה זְקוּקִים אָנוּ לְרַחֲמִים.
שְׁנֵינוּ בִּיחַד וְכָל אֶחָד לְחֹדֶד.

יָרַח מְנוֹסֵר אֶת הָעֵבִים לְשָׁנִים –
בּוֹאִי וְנֹצֵא לְאַהֲבַת בֵּינֵינוּ.
רַק שְׁנֵינוּ נֹאֲהֵב לְפָנֵי הַמַּחְנוֹת.
אוּלֵי אֶפְשָׁר עוֹד הַכֹּל לְשִׁנוֹת.
שְׁנֵינוּ בִּיחַד וְכָל אֶחָד לְחֹדֶד.

אַהֲבַתִּי הַפֶּכָה אוֹתִי כְּנֶרְאָה
כִּיָּם מְלוּחַ לְטִפּוֹת מְתוּקוֹת שֶׁל יוֹרָה;
אֲנִי מוֹבָא אֵלַיָּךְ לְאֵט וְנוֹפֵל.
קְבִלֵּנִי. אֵין לָנוּ מִלְאָךְ גּוֹאֵל.
שְׁנֵינוּ בִּיחַד וְכָל אֶחָד לְחֹדֶד.

אֱלֹהִים מְרַחֵם עַל יְלָדֵי הַגֶּן

אֱלֹהִים מְרַחֵם עַל יְלָדֵי הַגֶּן,

В меньшей мере – к школьникам,
А милосердия к взрослым – не жди.
Он оставит их,
И иногда им придётся ползти на четвереньках
В обжигающем песке,
Чтобы, истекая кровью,
Добраться до сборного пункта.

Разве что к истинно любящим
Будет милостив, пощадит и спасёт,
Как дерево, склонившееся над спящим на скамейке
В городской аллее.

Может, и мы отдадим им из милости
Последние монеты,
Доставшиеся нам от матери,
Чтобы их счастье было нам защитой
Сейчас и в иные дни.

Песня клубка ниток иголке

Как я, в ушко пробираясь, трудился!
Вместе с тобой к твоей цели стремился.

С каждым стежком я короче немного,
Тем для тебя сокращая дорогу.

Ясен конец мне: ты выскользнешь разом,
Я же судьбою с чужой тканью связан.

Узами сдавлен и памятью ранен,
Ты же – с другим клубком к новенькой ткани.

פחות מזה על ילדי בית-הספר.
ועל הגדולים לא ירחם עוד,
ישאירם לבדם,
ולפעמים יצטרכו לזחל על ארבע
בחול הלוחט,
כדי להגיע לתחנת האסוף
והם שותתי דם.

אולי על האוהבים-באמת
יתן רחמים ויחוס ויצל
כאילן על הישן בספסל
שבשדרה הצבורית.

אולי להם גם אנחנו נוציא
את מטבעות החסד האחרונות
שהורישה לנו אמא,
כדי שאשרם יגן עלינו
עכשו ובימים האחרים.

שיר החוט למחט

כמה עמלתי עד ששלך חברתי –
יחדו עכשו, אל יעודך נקשרתי.

בה במדה שאתקצר,
עושה את את דרכך יותר מהר.

בסוף, בכל זאת תנתקי. אני נשאר
בתוך גורל של בד גדול וזר.

לנצח שם אהיה כלוא, נואש,
ואת – אל חוט אחר, אל בד חדש.

Короткие стихотворения

*

И, коль потоп с небес грозит нам вновь ударом,
Добавят пусть меня к четырнадцати парам.

К слонихе со слоном и к лисам серебристым,
Ко всем, кто будет – чистым и нечистым.

Укутай ватой мягкой и храни нас, Ной,
Как корешок лозы, возьми в мир лучший свой.¹

*

Мы - две ассоциации в одном уме:
Лишь вспомнят о тебе, сейчас же – обо мне.

Мы словно две свечи в подсвечнике одном:
Мы порознь тусклы – книгу не прочтёшь,
Но всё же ярки – с нами не заснёшь.

Когда горим мы вместе, - праздник света.
Угаснем разом – темень без просвета.

*

Мы в сводчатом окне – две стойки: поднялись
Над подоконником и устремились ввысь.

И, поднимаясь, соблюдая строй,
Друг к другу мы склоняемся с тобой,

שירים קצרים

*

אם שוב ירד מבול מן השמים,
יִתְקוּנוּ לַתִּבָּה עִם כָּל זִוגוֹת הַשָּׁנִים –

עם פִּיל וְעַם פִּילָה, עֶבֶר וְעִבְרָה,
עם כָּל הַטְּמָאָה וְהַטְּהוֹרָה.

יִשְׁמַר אוֹתָנוּ נֹחַ, יַעֲטֹף
כְּשֶׁתִּיל הַגֶּפֶן לְעוֹלָם הַטּוֹב.

*

כְּשֶׁתִּים אֶסּוֹצִיָּאוֹת שֶׁבְּרָאשׁ אֶחָד:
אִם מִזְכָּרִים אוֹתִי, מִזְכֶּרֶת אֶתְּ.

כְּשֶׁתִּי נוֹרוֹת אֲנַחְנוּ בַּמְנוֹרָה:
לְבַדִּי אוֹ לְבַדָּהּ, כֹּהִים מְדִי לְקָרָא עֵתוֹן,
אוֹרִים מְדִי בְּשִׁבִּיל לִישׁוֹן.

אֲבֵל בִּיחַד מְדַלְקִים – זֶה חֵג שֶׁל אוֹר,
בִּיחַד כְּבוֹיִים – לִילָה שְׁחֹר.

*

כְּקִמְרוֹן שֶׁבְּחִלּוֹן יֶשֶׁן
מֵאֲדָן נִעְלָה: מִכָּאן וְכָאן.

בְּעִלּוֹתֵנוּ יַחַד, זֶה מוֹל זֶה,
אֶחָד אֶל הַשָּׁנִי נָטָה.

¹ Намёк на библейский рассказ об опьянении Ноя

Пока замковый клин, своим углом
Нам дав покой, не станет общим лбом.

На подоконнике внизу – цветы в горшке,
А за окном – дороги вдалеке.

*

Ты, словно сад цветущий городской,
Надёжною окружена стеной.

Я, как шоссе, что город резрезая,
Летит, пути не выбирая.

В тебе начала все остры и сил полны,
А под конец спокойны и округлены.

Во мне любой итог – не повод отдохнуть,
И близость мне твоя – ворота в дальний путь.

*

Смотри, мы словно два числа с тобой –
Стоим и складываемся порой

Иль вычитаемся, ведь ты же знаешь: знак
Со временем меняется, и как!

Так трудно было нам, пока узнали,
Что значит вместе быть и, как в начале,

Так же глубоко ощущать потом
Блаженство умножения вдвоём.

עד שְׂבָאָבֵן הֵיטֵד יַחַדוֹ
נִמְצָא מְנוּחַ – מִצַּח מִשְׁתַּף.

תִּמְיֵד נִרְאָה: עַל אֶדֶן – פְּרָחִים.
וְעוֹד הֶרְחַק יוֹתֵר – אֶת הַדֶּרֶכִּים.

*

וְאֵת הַגֶּן הַצְּבוּרִי בְּעִיר,
מִחֲזֵק בָּהּ וְשִׁלָּהּ, מוֹגֵן בְּקִיר.

אֲנִי הַכְּבִישׁ, אֲשֶׁר הָעִיר קוֹרֵעַ,
וּבְעֶצְמִי אֲנִי יוֹדֵעַ.

בָּךְ כָּל הַהִתְחַלּוֹת שְׁמֵתֻחִילִים
הוֹפְכוֹת סוֹפִים טוֹבִים וְעִגְלִים.

וְבִי כָּל סוֹף שָׁלוֹ הוּא אוֹת זְנוּק,
וְקִרְבָּתְךָ – לִי שַׁעַר לְרַחוּק.

*

רְאִי, אֲנַחְנוּ שְׁנַיִם מִסְפָּרִים,
עוֹמְדִים יַחַדוֹ וּמִתְחַבְּרִים

אוּ מִתְחַסְּרִים, כִּי סוֹף-סוֹף הַסִּימָן
מִשְׁתַּנָּה מִזְמַן לְזְמַן.

הִיָּה קִשָּׁה כָּל-כָּךְ עַד שֶׁהִגַּעְנוּ
לְעַמֵּד יַחַדוֹ, וְגַם יִדְעֵנוּ

כְּפָלִים שֶׁל אֲשֶׁר, גַּם שְׂבָרִים,
כְּאֲשֶׁר יִקְרָה לְמִסְפָּרִים.

Под нами мир – деления знак. Однако,
Ты не пугайся. Посмотри: под знаком,

Под грозною чертой, созревши в срок,
Наш общий знаменатель дал цветок.

*

Как вóды, что, собравшись в высоте,
Текут по трубам в вечной темноте

И ждут покорно в толще стен, покуда
Их, кран открыв, не вызволят оттуда,

Так я, издалека придя к тебе,
Во тьме своей замкнулся, как в трубе.

Мечтаю страстно твой услышать зов
И для тебя на всё всегда готов.

Как только я могу, служить любви
Из тьмы своей явлюсь, лишь позови.

Но посмотри, как велика

Но посмотри, как велика теперь разлука по сравнению со встречаей.
Уже не близняшки, уже не сёстры,
Уже не стоят рядом.
Что листик встречи, бабочка часов, проведённых вместе,
Против небес разлуки, против длины дороги, где нет места памяти!
Что глоток тёплого воздуха изо рта любимой,
Что ладошка ребёнка
В осенних бурях и под зимними сугробами,

גם עתה, תחתנו, העולם קו שָׁבֵר –
אל תיראי, הביטי איך מעבר

לאותו הקו פָּרַח לנו עֶכְשָׁו
המִכְנָה המִשְׁתַּף.

*

כמים שִׁמְמִגְדִּים
זֶרְמִים בַּצְנוּרוֹת האֲפִלִּים

וּמַחֲכִים, בַּעֲנוֹה, בְּקֶרֶב
קִירוֹת עֲבִים עד לפְּתִיחַת הַבָּרָז,

כֵּן גַם אֲנִי, שֶׁבֹאֲתִי מִמְּרָקָה,
עֶכְשָׁו, קְרוֹב אֵלַיָּהּ, בְּאֲפִלֵּי נִדְחָה,

וּמַחֲכָה שֶׁאֵת תִּרְצִי בִּי. וְכָל עַת
אֲשֶׁר תִּרְצִי בִּי לְשִׁרֵּת

וְלֶאֱהֹב אוֹתָהּ, בְּדֶרֶךְ מִשְׁלִי,
אֲבֹא אֵלַיָּהּ מֵאֲפִלֵּי.

אבל ראי

אֲבֵל רְאֵי, כִּמָּה מִגְזֶמֶת עֵתָה הַפְּרִידָה לִיד הַפְּגִישָׁה.
לא עוד אֲחִיוֹת תְּאוֹמוֹת, לא עוד אֲחִיוֹת,
לא עוד נִצְבוֹת יַחְדָּיו.
אֵלָּא עַלֵּה הַפְּגִישָׁה, פֶּרֶפֶר הַשָּׁהוּת
מִזֵּל שְׁמִי הַהִפְרִידָה וְלֹאֲרֶה הַדֶּרֶךְ שֶׁאֵין בָּהּ זְכִירָה,
אֵלָּא הָאִוִּיר הַחֵם וְהַקָּטָן שֶׁבִּפִּי הָאֲהוּבָה,
אֵלָּא פָּנִים כִּף יָדוֹ שֶׁל יֶלֶד
בְּתוֹךְ הַסְּעָרוֹת הַסְּתִיוִיֹּת, בֵּין קִמְרוֹנוֹת הַחֶרֶף הָרְמִים,

Что карие глазки
В просторе, который перед глазами!

אֵלָא הָעַיִן הַקָּטָנָה וְהַחוּמָה
בְּתוֹךְ הַמָּרְחֵב הַנּוֹרָא, הַנִּרְאָה.

Посмотри, что творят времена года с полями и горами,
Что творят войны с городами
И чего не сотворили с тобой слова мои,
И как не смогли руки мои изменить оттенка твоих волос.
И как смогла разлука!

רְאֵי מָה שֶׁעוֹשׂוֹת הָעוֹנוֹת לַשָּׂדוֹת וְלַהָרִים,
מָה שֶׁעוֹשׂוֹת הַמְּלַחְמוֹת לְעָרִים,
וּמָה שֶׁלֹּא עָשׂוּ דְּבָרִי לָךְ,
וְאִיךָ יָדִי לֹא שִׁנּוּ אֶת גּוֹן שְׁעָרֶךָ.
וְאִיךָ הַפְּרִידָה!

Мы здесь любили
(цикл сонетов)

אַהֲבָנוּ כָּאֵן
[מחזור סונטות]

1.

[א]

Отец мой был четыре года на войне,
Ни злобы, ни любви к врагам не сохраняя.
Но день за днём (уверен я вполне)
Спокойствием своим он создавал меня.

אָבִי הָיָה אַרְבַּע שָׁנִים בַּמְלַחְמָתָם,
וְלֹא שָׁנָא אוֹיְבָיו וְלֹא אָהֵב.
אָבֵל אֲנִי יוֹדֵעַ, כִּי כָּבֵד שֵׁם
בָּנָה אוֹתִי יוֹם-יוֹם מִשְׁלוּאוֹתָיו.

Среди разрывов бомб в дыму атак
Покоя пыль пытался собирать
И добавлял в потрепанный рюкзак
К остаткам пирога, что положила мать.

הַמַּעֲטוֹת כָּל-כָּה, אֲשֶׁר לִקַּט
אוֹתָן בֵּין פְּצָצוֹת וּבֵין עָשָׁן,
וְשָׁם אוֹתָן בְּתַרְמִילוֹ הַמִּמְרִט
עִם שְׂאֵרֵית עֵגֶת-אֱמוּ הַמִּתְקַשָּׁה.

В глазах своих он, не жалея сил,
Всех безымянных павших собирал,
Чтобы потом я их, как он, любил.

וּבְעֵינָיו אֶסֶף מֵתִים בְּלִי שֵׁם.
מֵתִים רַבִּים אֶסֶף לְמַעַנִי,
שְׂאֵרִים בְּמִבְטָיו וְאוֹהֲבֵם

Чтоб, как они, я не горел в огне дорог,
Глаза наполнил ими... Всё не впрок:
И я всех войн своих не миновал.

וְלֹא אֲמוֹת כְּמוֹהֶם בְּזָנוּעָה...
הוּא מֵלֵא עֵינָיו בָּהֶם וְהוּא טָעָה:
אֵל כָּל מְלַחְמוֹתַי יוֹצֵא אֲנִי.

2.

[ב]

Раздумья шли к нему издалека.

הַמַּחְשְׁבוֹת בָּאוּ אֵלָיו כְּשִׁירָת

Так цепь машин подходит грузовых
С боеприпасами к позиции полка.
Он разгружал, распределяя их

По предложениям, и выстрелы среди слов
Как знаки препинания разместил.
А, когда вздрогнула земля, - к всему готов –
Меня своей любовью зародил.

Он кончиками пальцев ощущал
Цветенье, словно ветками, весной
И ждал плода... Но воздух залп взорвал.

Там, раненый, сползая под откос,
Как Валаам², благословенье произнёс,
Предвидя всё, что сбудется со мной.

6.

В безмолвной комнате своей в объятьях сна
Мы замурованы ночами, как в гробнице
Огромной пирамиды, тишина
Песком столетий сверху громоздится.

Проходят поколения вовне.
Недвижны саркофаги в строе строгом.
Смотрите: протянулась по стене
На старой фреске наших душ дорога.

Там в лодке двое правят стоя, а меж ними
Гребут гребцы под звёздами чужими.
Нил времени течёт. Открытий нет.

מכוניות האספקה בטרם-קרוב.
הן באו לו אחת, אחת, אחת,
והוא פרק אותן והוא חשב

אותן במשפטים מסודרים.
היריות היו פסיקים ונקודות.
האדמה התפוצצה בעת הקרים
אותי, שקט, על פני אהבתו.

ובאבי, בקצות אצבעותיו,
הרגיש כענפים דגדוג פריחה
והתכונן לפרי... אבל בסתו

נפצע בשתי רגליו והתפתל
באדמה. וכבלעם חזה, נופל,
את כל ימי, ושר את הברכה.

[ו]

ובלילות חדרנו נאטם
כקבר פירמידה. מעלינו
הר הדממות זרות, כחול מורם,
דורות רבים על פתח משכנו.

ועת גופינו ישנים מאד,
על הקירות שוב מצטיירת
הדרך בה עוברות הנשמות
שלנו. התראים? סירה עוברת

ושנים בה עומדים, השאר חותרים.
וכוכבים מעל, כוכבי האחרים
יאור הזמן נושא בלי לפתר.

² Согласно библейскому рассказу, колдун Валаам, вместо того, чтобы проклясть израильтян, благословлял их (ТОРА, Числа, 22,9)

Мы, мумии, лежим, спелёнуты любовно,
Недвижны. Так проходит вечность ровно,
А утром археолог вносит свет.

ואָנוּ חֲנוּטִים בְּאַהֲבָה רַבָּה.
וְכֵאֲחֵר הַנֶּצַח בְּקֶרֶךְ בָּא;
אַרְכֵּיאוֹלוֹג עָלִיז – וְלוֹ הָאוֹר.

Песня на музыку Гиди Корена в исполнении Ноэми Ротэм на сайте
http://www.youtube.com/watch?v=9R_zLRTCYYV

10.

[י]

Мы, самым малым удовлетворясь
(Не как захватчики, что мчат в пылу атак,
Пока бензин в моторах не иссяк),
Влюблённые, вошли не торопясь –

מִדַּדְנוּ אֶת שְׁלֵנוּ, הַמַּעַט –
וְהַסְתַּפְקֵנוּ, לֹא כְמוֹ כּוֹבְשִׁים,
הַדּוֹהָרִים עַד כָּלוֹת כָּל הַבְּנִיין.
נִכְנְסֵנוּ אוֹהֲבִים מֵאֵד, בְּלֹאט,

Ты, чтобы стать моей, а я – твоим.
Открыв глаза, шли, опасаясь вдруг
Случайно что-то изменить вокруг:
Пусть каждый шагом впредь идёт своим.

אֶת לְשָׁלִי, וְלְשָׁלְךָ – אֲנִי,
פְּקוּיֹחַי עֵינַיִם, זְהִירִים,
בֶּל נִשְׁנֶה דְבָר מִן הַדְּבָרִים,
וְבֶל עֲקֻבוֹת אֶחָד בְּתוֹךְ שָׁנִי.

Но с каждой осенью всё более глубок
Вбирает жизни две один поток.
Он в общем русле к морю нас несёт.

וּבְכָל-זֹאת – עִם נוֹעַ הַסִּתּוּמִּים,
הָיָה חַיֵּינוּ לְשׁוּיִים,
עָרוֹץ אֶחָד נִבְקַע בָּנוּ עַד חוֹף.

И, даже вазу повернув слегка,
Мы знаем: нас ведёт судьбы рука.
К добру или ко злу – как повезёт.

כָּבֵר עִם שְׁנוֹי מְקוֹם הָאֲגָרִטִּל,
יָדְעֵנוּ: בָּנוּ יָד תִּבֵּל
הַחֲלָה לְשָׁנוֹת אִם רַע, עִם טוֹב.

11.

[יא]

Кувшин немолод, в нём вода до края –
Умна и холодна от верха и до дна,
А наша кровь с тобой бурлит не остывая
И мечется, грехов полна.

כִּדְנוּ מִבְּגֵר וּבוֹ הַמִּים,
קָרִים וְחֲכָמִים עַל אֶדֶן הַחֲלוּן.
אֲבָל דָּמְנוּ, דָּם הַשָּׁנִים,
חֵם וּמִתְרוֹצֵץ וּמִלֹּא עוֹוֹן.

Вскипит и пропадёт письмом без марки,
Но в нас любви микроб плодится, распирая грудь.
Ты – зной, дыхание пустыни жаркой!
Куда направлен наших жизней путь?

И из каких глубин, с каким напором?
Вот вечер горизонт завесил. Скоро -
Иллюзия прохлады в соснах, полог тьмы.

Вода в кувшине высохла в покое.
Ещё немного, станем маленькими мы
В глубинах сна, что больше нас с тобою.

12.

И снова спуск; мы вниз идём, покинув выси
И голоса сложив в молчание, как в шкаф.
Да, что-то было, нашу жизнь возвысив –
Обычную строку в заглавие подняв.

Теперь забвения становятся длиннее,
Как тени ближе к ночи, каждый час.
Ты видишь: сделав буйные шоссе смирнее,
Их горы за собой уводят, как и нас.

Вновь разговор двоих о цели и пути,
А вечер тёплый не торопится уйти.
Оазис тих наш, нам никто не нужен.

Но наша жизнь уже не сплав из двух.
Она, как хлеб, нарезанный на ужин:
Вчера был свеж, сегодня – груб и сух.

13.

וְהוּא יֵאבֵד כְּמִכְתָּבִים בְּלִי כְתָבָת,
רַק אֶהְיֶתנוּ מִתְרַבֶּה כְּחִידָקִים.
חֲמִסִּינָאִית שְׁלִי, שְׂרוּבָה, שְׂרָבֶרֶת,
לֹאן חַיֵּינוּ נִדְחָקִים –

מֵאִיזוֹ בָּאָר, בְּאִיזָה דְפֶקָ?
הִנֵּה הָעֶרֶב נִעְרָךְ בְּאֶפְקָ,
וְאַשְׁלִי צָנָה תִּהְיֶה בְּאַרְנִים.

כָּל הַמַּיִם כָּבֵר יִבְשׁוּ מִתּוֹךְ כְּדִי,
וְעוֹד מַעֵט נִהְיֶה קִטְנִים
בְּתוֹךְ שָׁנָה שֶׁהִיא גְדוֹלָה מְדִי..

[יב]

וְשׁוּב מוֹרֵד וּמִתְקַפֵּל קוֹלְנוּ
אֶל שְׁתִּיקֵתְנוּ כְּמוֹ אֵל תּוֹךְ אֲרוֹן.
הַמֶּאֱרָע אֲרַע אֲשֶׁר הָרִים חַיֵּינוּ
כְּמוֹ שׁוֹרֵת כּוֹתֶרֶת לְפִסְגַּת עֵתוֹן.

עֲקֹשׁוּ הַשְׂכָּחוֹת כְּמוֹ צִלְלִים בְּעֶרֶב,
גְּדְלוּ מְאֹד, כְּבָדוּ בְּאֵין מְרִים.
רְאִי, כְּמוֹנוּ כָּל כְּבִישֵׁי הַפָּרָא
יִבְּלוּ מֵאֲלָפִים אֶל הַהָרִים.

וְשׁוּב שִׁיחָה בֵּין שָׁנִים, וְהָעֶרֶב
חֵם וּמֵאֲרִיךְ לִשְׁהוֹת אֶצְלָנוּ
שֶׁקֶט נִנּוּ, אִישׁ אִינוּ נִכְנָס.

אָבֵל חַיֵּינוּ מִתְקַשִּׁים, חַיֵּינוּ
כְּפִנֵי הַלֶּחֶם שֶׁאֶתְמוֹל נִפְרַס –
אֶתְמוֹל טָרִי, הַיּוֹם יִבְשׁ וְגַס.

[יג]

Дождь вечером на крышу дробь обрушил,
Как будто что-то главное забыл сказать.
Он обращался к нам, хотел излить всю душу,
Но не нашёл внимания опять.

У берега шумит, волнуясь, море,
Как после важного сообщения народ.
В туманной дымке радуется поле,
На склонах гор заждавшееся вод:

Добавилось ещё два дня зелёных!
Но в нас уже нет сил былых влюблённых.
Лишь изредка мечта мелькнёт одна.

И мы вдвоём с тобой плывём куда-то
Внутри домов в венце антенн рогатых
В солёной пене моря сна.

14.

Нас колокол считал. Нас было двое.
И были мы надежд полны тогда.
Мы бросили всё разом, как чужое,
Как комнату – вдруг раз и навсегда.

Будто из глаз, подуло ветром новым.
Как мочка уха, изогнулся лист,
Чтобы услышать каждый шёпот слова
И позабыть не медля – зелен, чист.

Деревья в путь отправились далече
Вдоль по аллее, где прохожих не видать.
Один ещё придёт. Других нет смысла ждать.

Ты одинока, словно банк под вечер,

אָבֿל בֿלִילָה שׁוֹב חֲזָר הַגָּשֶׁם,
כְּמוֹ אֶחָד אֲשֶׁר שָׁכַח לֵאמֹר
אֶת הָעֵקֶר – בִּקֵּשׁ עוֹד פֶּעַם קֶשֶׁב
וְלֹא מֵצָא, וְהוּא עֶבֶר.

וְרַק הַיָּם, לִיד הַחוּף, נִרְעָשׁ עוֹד
כְּעַם אַחֵר הַהִכָּרְזָה הַחֲשׂוּבָה.
וּבְהָרִים הַשְּׂרָבִיִּים, בֵּין הַטֵּרְסוֹת,
לִדְשָׁא הָעֵנִי, בַּעֲנָוָה,

נוֹסְפוּ יוֹמִים יִרְקִים שֶׁל אֲשֶׁר.
רַק לָנוּ נִסְגְּרָה שְׁעַת הַלָּשָׁר –
הַפְּכוּיִים שֹׁבִים אֶחָד-אֶחָד.

אֲנַחְנוּ עוֹד שְׁטִים שָׁמָּה וְהֵנָּה.
בְּתוֹךְ בְּתִים עוֹטְרֵי אֲנֻטָּנוֹת.
עַל פְּנֵי שָׁנָה זֹעֶפֶת וּמְלוּחָה.

[יד]

וּפַעֲמוֹן הַחֹל, לֹאט, לִסְפֹּר אוֹתָנוּ,
וְהַתְּקוּוֹת הָיוּ כְּמוֹ שֶׁלֶשֶׁם.
עֲזָבָנוּ אֶת הַכֹּל, כְּלֹא שָׁלָנוּ,
כְּחֹדֶר שְׁעוֹזְבִים אוֹתוֹ פְּתָאם.

וְרוּחַ בָּאָה כְּמִתּוֹךְ עֵינִים.
כְּאַפְרָכְסֵת אֶזֶן נִתְקַעַר הַנוֹף
לְשִׁמְעַ כָּל הַרְחָשׁ בֵּין הַשָּׁנִים,
לְשִׁמְעַ וּלְשַׁכַּח אֶת הָרֵב.

וּכְבֵּר הָאֵילָנוֹת יֵצְאוּ לַדֶּרֶךְ
לְאַרְךָ הַשְּׁדֵרָה שְׁאִין בָּהּ אִישׁ.
אֶחָד יִגִּיעַ רַק. הַשָּׂאֵר בְּכַבִּישׁ.

וּכְבֵּר אֶת לְבַדָּהּ, כְּבִנְיָן בְּעֶרֶב,

Где, как в тебе, хранится золотой запас.
И ночь забвения идёт, стирая нас.

עם הזְהָב שְׁבִתוֹכוֹ, שְׁבִתוֹכָה,
לְלַיִל הַשְׁכָּחָה יָבוֹא לִוְחָךְ.

17.

[יז]

Мы выйдем... А тогда был комендантский час.
В ритм сердцу под окном шагали патрули.
Впервые чувств плоды налились соком в нас.
Мы поняли, что мы созрели для любви.

הַלַּיְלָה שׁוֹב נִצָּא. הִיָּה אֵז עֶצֶר,
הַמְשָׁמְרוֹת פָּסְעוּ הַלֹּךְ וְשׁוֹב, כָּלֵב.
וְאֵז לְרֹאשׁוֹנָה הִרְגָּשְׁנוּ מֵה זֶה בֶּסֶר,
כִּי אֵז בְּשִׁלְנוּ, כָּל אֶחָד אוֹהֵב.

О мысль усталая, как небеса над нами –
Над любящим и сторожем его!
А в маленьком горшке в оконной раме
Цвела надежда, что в конце всего

הוּא מִהִשְׁבָּה לָאָה כְּמוֹ שָׁמַיִם
מַעַל אוֹהֵב וּמַעַל צָר.
וּבְעֵצִיץ הַקֵּט, עַל קִיר חֲדָרְנוּ,
פָּרְחָה תִּקְוָה קִטְנָה, שְׁעוֹד אֶפְשָׁר

Без крови можно и без дикой пляски...
Но с нами сны взрослеют и, как в сказке,
Уйдут, как сын, чей вдруг сменился голос,

בְּלִי כָל הַדָּם וּבְלִי מַחֲזוּל שָׂדִים...
גַּם חִלּוּמוֹת שִׁלְנוּ מִתְבַּגְּרִים,
עוֹזְבִים כְּבֵן אַחֵר חֲלוּף הַקּוֹל.

Как падает зерно, покинув колос,
Как линза падает из стареньких очков,
Как из венца алмаз и время из часов.

נִחְתָּךְ הַיּוֹם, הִגַּעְנוּ עַד בְּרִזָּל.
רְחוּק מִכָּאן מִשְׁהוּ נוֹפֵל,
כִּי־הַלּוֹם מִכְתָּר, זְמַן מִתּוֹךְ שְׁעוֹן.

18.

[יח]

Пролог: деревья, море, юных двое.
Лишь друг на друга устремлён их взгляд.
Отец встревожен: город перед боем,
А вдалеке погибшие лежат.

הִנֵּה מִבּוֹא: הַשָּׁנִים, הַמַּצָּב,
אוּלֵי הַכֶּרֶחַ, וְאֵילָנוֹת וְיָם,
וְאֵב מִדָּאָג, וְעִיר בְּטָרֶם קָרֵב,
וּמִרְחוֹק מֵתִים שְׂאִין לְהַכִּירֶם.

А вот и кульминация рассказа:
Война и дым из окон, как из дыр.
И первый отпуск – он, она и сразу
Мать из могилы: "Дети, будет мир!"

וְאִמְצַע הַסְּפוּר עֲכָשׁוּ, אוּלֵי הַשִּׁיא –
הַמִּלְחָמָה. עָשָׂן בְּמִקּוֹם רְחוֹב,
יּוֹם חִפְשָׁה רֹאשׁוֹן, וְהוּא וְהִיא,
וְאִם מִרְגַּעַת מִקְבְּרָה: יְהִיָּה עוֹד טוֹב.

Последний смех: в его фуражке встала,
Её напялив задом наперёд.
О, как красива, как ей всё идёт!

А после, за заборами квартала
Разлуки призрак, как убийцы тень.
И ночь идёт. Грядёт, как Судный день.

22.

Тут есть у бед отец и мать, и дети бродят.
Смерть, как налоги, - в рамках заданных границ.
Есть у иллюзий дом, и вывеска при входе:
Надежда всё ещё прекрасна, вся в тени ресниц.

Лишь разочарованиям нет места, чтобы жить.
В киосках шумных станций, там — открытка та же
С пейзажем, что на этом месте мог бы быть,
И по сей день находится в продаже.

Газетами шурша, вечерний ветер тянет,
А комментариев букет, бледнея, вянет.
Ассортимент мороженого в парке — в самый раз.

А безработные и инвалиды, те сейчас
Как птицы певчие в садах поэзии творцов,
Вместо былых кукушек-соловьёв.

Из книги "На расстоянии двух надежд" (1959)

Бог, преисполненный милосердия

(начало траурной молитвы)

Бог преисполнен милосердия.

וְזֶה הַצְחֹק הָאַחֲרוֹן: אֶת כּוֹבֵעַ
הַחִילִים שָׁלוּ חֲבֻשָׁה מִלִּי הָרָאִי.
וְכֵן יָפְתָה, וְכוֹבְעוֹ הִתְאַיִם.

וְאַחֲר־כֵּן, מֵאַחֲרֵי בְּתִי הָרִבֵּעַ,
פְּרִידָה כְּרֻצָּח בְּדָם קָר,
וְלִילָה בָּא, כְּאַחֲרִית דְּבָר.

[כב]

פֶּה לַצְרוֹת יֵשׁ אָב וְאִם וְיֵלֵד –
וְהַמִּיתוֹת גַּם הֵן קְבוּעוֹת, כְּמוֹ מַסִּים.
לְאַשְׁלִיּוֹת יֵשׁ בֵּית וּבְבִית שְׁלֹט,
וְהַתְקִנָּה עוֹדָה יָפָה וְאַרְכַּת רִיסִים.

וְרַק הָאַכְזָבוֹת לֹא הִסְתַּדְּרוּ לַחַיּוֹת, -
לִיד הַתַּחֲנוּת הָרוֹעֲשׁוֹת נִמְכָּרָת
אוֹתָהּ הַגְּלוּיָה הַמְצִינָת
שֶׁל נוֹף, אֲשֶׁר יָכוֹל הִיָּה לַחַיּוֹת.

וְעֵתוֹנִים מְרֻשָּׁרְשִׁים בְּרוּחַ עָרָב,
פְּרָחֵי הַמַּסְקָנוֹת אֵט נִסְגָּרִים,
הֵגֶן פְּתוּחַ וּמוֹכָרִים גְּלִידָה.

נָכִים וּמַחֲסָרֵי הָעֲבוּדָה
הֵם צִפְרֵי הַזְּמֵר בַּעֲצֵי מְשׁוֹרְרִים,
בְּמִקְוֵם הַקּוֹקֵיָה וְהַזְמִירִים.

"במרחק שתי תקוות"

אל מלא רחמים

אל מלא רחמים,

Если бы не был Он преисполнен,³
Было бы милосердие в мире, а не только в Нём.
Я, собиравший цветы в горах,
Заглядывавший во все долины,
Я, выносивший трупы с холмов,
Могу подтвердить, что милосердия в мире нет.

Я, бывший "солёю" всего у берега моря,
Стоявший у окна не в силах принять решение,
Считавший шаги ангелов,
Я тот, чьё сердце поднимало гири боли
На страшных чемпионатах.
Я, пользующийся лишь малой долей
Тех слов, что есть в словаре,

Я, поневоле разгадывающий загадки,
Знаю, что если б не был преисполнен милосердия Бог,
Было бы милосердие в мире,
А не только в Нём.⁴

Я не готов

Списки мёртвых, алфавитный порядок храня,
Господь спрятал в ящик до Судного дня.
Был свидетель, доложил суду – да и был таков.
Когда-то я мог, а сейчас не готов.

В кинозале к каждому креслу прибит номерок.
Где-то час моей смерти помечен и в пустыне песок.
Она будет здесь, все тут будем: закон таков.

אֶלְמָלָא הָאֵל מְלֵא רַחֲמִים
הָיָה הַרְחָמִים בְּעוֹלָם וְלֹא רַק בּוֹ.
אֲנִי, שְׂקֻטִּפְתִּי פְּרָחִים בְּהָר
וְהִסְתַּקְלֹתִי אֶל כָּל הָעֲמָקִים,
אֲנִי, שֶׁהִבֵּאתִי גוֹיֹת מִן הַגְּבָעוֹת,
יֹדַע לִסְפֹּר שְׁהֵעוֹלָם רִיק מִרַחֲמִים.

אֲנִי, שֶׁהֵיִיתִי מֶלֶךְ הַמֶּלַח לֵיד הַיָּם,
שֶׁעֲמַדְתִּי בְּלִי הַחֲלָטָה לֵיד חֲלוֹנִי,
שֶׁסָּפַרְתִּי צַעְדֵי מַלְאָכִים,
שֶׁלְבִי הָרִים מְשַׁקְלֹת כָּאֵב
בַּתְּחִרֹת הַנוֹרָאוֹת.
אֲנִי, שֶׁמְשַׁתְּמֵשׁ רַק בְּחֶלֶק קָטָן
מִן הַמְּלִים שֶׁבַּמִּלּוֹן.

אֲנִי, שֶׁמִּכְרַח לַפֶּתוֹר חִידוֹת בְּעַל כְּרָחִי
יֹדַע כִּי אֶלְמָלָא הָאֵל מְלֵא רַחֲמִים
הָיָה הַרְחָמִים בְּעוֹלָם
וְלֹא רַק בּוֹ.

אינני מוכן

שְׁמוֹת הַמֵּתִים בְּמַצָּבָה לְפִי אֶלֶף בֵּית.
אֱלֹהִים סָגַר אֶת הַמַּגְרוֹת לְעוֹלָם וָעֶד.
הָעֵד הָעֵיד וַיֵּרֶד מִן הַדּוֹכָן.
פַּעַם הָיִיתִי; וְשׁוֹב אֵינִי מוֹכֵן.

כְּמוֹ בְּקוֹלָנוֹעַ הַמְּקוֹם מִסְּמַן בְּמִסְפָּר,
וְכֵן שְׁעוֹת מוֹתִי. וְכֵן חוֹלוֹתִי בְּמַדְבָּר.
הִיא תִּהְיֶה כָּאֵן. כָּלֵם יְהִי כָּאֵן.

³ На иврите игра слов: "ильмале" – если бы не..., "эль мале" – Бог, полный (милосердия)

⁴ Список стихотворения был найден в вещмешке солдата, погибшего во время штурма Старого города в Иерусалиме в 1967г. во время Шестидневной войны

Когда-то я мог, а сейчас не готов.

פַּעַם הָיִיתִי; וְשׁוּב אֵינֶנִּי מוּכָן.

Пророки остались в ТАНАХе, продолжают вещать.
Кран забыли закрыть, огонь не спешат укрощать -
Соглашался на должность любую: я был таков,
Когда был... (но это - тогда, а сейчас не готов.)

נְבִיאִים נִשְׁאַרוּ בַּתנ"ךְ וּמַמְשִׁיכִים לְהַתְנַבֵּא,
הַבֶּרֶז נִשְׁאַר פְּתוּחַ. אֶת הָאֵשׁ אֵין מְכַבֶּה.
בִּקְשָׁתִי לִי תַפְקִיד וְלוֹ אֵף קָטָן.
בְּעֵת שֶׁהָיִיתִי (אָבֵל שׁוּב אֵינֶנִּי מוּכָן).

Профессор пытался учить нас давать уму
Свободу в работе группами и по одному.
Я слушал его, не следя за потоком слов.
Я, видно, тогда ещё не был готов.

פְּרוֹפֶסוֹרִים הִרְאוּ מַחֲשָׁבָה חִפְשִׁית
וּמַחֲשָׁבָה עַל מַכְשִׁירִים, בִּקְבוּצוֹת וּבִיחִיד.
אֵף רַב דְּבָרֵיהֶם נִשְׁאַרוּ לִי לֹא מוּכָן.
כְּנֶרְאָה שֶׁעֲדִין לֹא הָיִיתִי מוּכָן.

Во мне обнажённые горы бродят, надежду будя.
Море помнит тебя, но оно забыло меня.
Что же, морю не больно под бронёй валов.
Если б я был таким же! Но я не готов.

הַהָרִים הַחֲשׁוּפִים נוֹדְדִים בְּתִקְוָתִי.
הַיָּם זֹכֵר אוֹתְךָ וְשָׁכַח אוֹתִי,
לַיָּם לֹא יָכָאב. הַיָּם מְחַסֵּן.
וְלוֹאִי וְהָיִיתִי כְמוֹהוּ. אֵף אֵינֶנִּי מוּכָן.

Я, как святость субботы, тебя обещал хранить,
Чтоб тебе не пришлось одной в этом мире жить.
Мы почти преуспели, но нам не хватило годов,
Хоть была ты готова и я был готов.

הַבְּטַחְתִּי לְשָׁמֵר אוֹתְךָ כְּמוֹ שַׁבָּת.
רְצִיתִי לֹא לְהִשְׁאִירָךְ לְבַד.
כְּמַעַט וְהִצְלַחְנוּ לְאַהֲבָה, אֵלּוּ הָיָה לָנוּ זְמַן,
וְהָיִית מוּכְנָה, וְהָיִיתִי גַם אֵנִי מוּכָן.

Но наступит миг, когда чаша будет полна.
И вскипит душа твоя, и воскликнет она:
"Я сыта по горло! Решай, и не надо слов".
И совсем не важно, будешь ли ты готов.

הַמַּיִם יִגִּיעוּ עַד נֶפֶשׁ וַיֵּאמְרוּ:
"הִגַּעְנוּ אֵלֶיךָ אַחֵר כָּל הַדְּבָרִים שֶׁקָּרוּ,
כְּאֵנוּ מֵרְחוֹק. וְעַכְשָׁו אֲנַחְנוּ כְּאֵן.
בֵּין אִם תִּהְיֶה וּבֵין אִם לֹא תִהְיֶה מוּכָן".

Из троих или четверых

משלשה או ארבעה בחדר

Из троих или четверых в комнате
Всегда один стоит у окна.
Он обязан разглядеть несправедливость среди бурьяна
И пожар на холме,
И, как людей, которые ушли и заплатили сполна,

משלשה או ארבעה בחדר
תמיד אחד עומד ליד החלון.
מכרח לראות את העול בין קוצים
ואת השרפות בגבעה.
וכיצד אנשים שיצאו שלמים

Возвращают под вечер домой, словно сдачу.

Из троих или четверых в комнате
Всегда один стоит у окна.
Тёмные волосы прикрывают его мысли.
Позади него слова,
А перед ним голоса, блуждающие без рюкзаков,
Сердца без пайков, пророчества без фляжек
И большие камни, которые кто-то сложил
И оставил закрытыми,
Как письма без адреса и адресата.

Не как кипарис

Не как кипарис –
Вдруг, внезапно, весь сразу,
А как поле — тысячей осторожных зелёных выдохов,
Как прячется ватага детей играя,
И один ищет всех.

Не как воин единственный,
Храбрый сын Киша, которого люди отыскиали
И поставили над собою царём,⁵
А как дождь, что идёт в одно время в разных местах
Из разрозненных туч, проникает повсюду и пьётся
Сотнями ртов. Так, чтобы, не сознавая, вдыхали меня,
Словно воздух весь год; чтоб рассеялся я, как весною пыльца.

Не как резкий звонок, что пугает
Задремавшего на дежурстве врача,
А как стук осторожный во много окошек

מחזרים בערב כמטבעות עֶדָף לְבִימָם.

משלשה או ארבעה בחדר
תמיד אחד עומד ליד החלון.
שערו האפל מעל למחשבותיו.
מאחוריו המלים.
ולפניו הקולות הנודדים בלי תרמיל,
לכבות בלי צידה, נבואות בלי מים
ואבנים גדולות שהושבו
ונשארו סגורות כמכתבים שאין
להם כתבת ואין מקבל.

לא כברוש

לא כברוש,
לא בבת אחת, לא פלי,
אלא כדשא, באלפי יציאות זהירות-ירקות,
להיות מסתר כהרבה ילדים במשחק
ואחד מחפש.

ולא כגבר היחיד,
כבן-קיש, שמצאוהו רבים
ועשו אותו למלך.
אלא כגשם בהרבה מקומות
מעננים רבים, להתחלחל, להיות שתי
פיות רבים, להיות נשום
כאזיר בשנה ומפזר כפריחה באביב.

לא הצלצול החד, המעורר
בשער הרופא התורן,
אלא בדפיקות, בהרבה אשנבים

⁵ Царь Саул - первый царь объединённого Израильского царства (XI-й век до н. э.). Окружённый вражескими лучниками, Саул бросился на свой меч (ТАНАХ, Пророки, Самуил, I, 9)

У дверей боковых. Как удары бесщётные сердца.

А потом — уход, тихий, как дым.

Без торжеств. Уходящий в отставку министр.

Уставшие после долгой игры дети.

Скатившийся сверху с откоса к подножию камень,

Достигающий, наконец, отречения долины,

Из которой, подобно мольбам,

Что приемлют вверху небеса,

Поднимаются тысячи лёгких пылинок.

Приходи поиграть

В воскрешение мёртвых приходи поиграть

Иль в игру, где немногим против многих стоять.

В птиц любви перелёты поиграем с тобой,

Может, в "сыщики-воры", в "догонялки" с мечтой.

Будем в "классики" прыгать, расчертив мелом мир.

Может быть, и другие выйдут к нам из квартир.

В тишину поиграем, где нужды нет в словах,

Или в "прятки", скрываясь, как пустыня в песках.

Между двумя точками проходит только одна прямая

(правило геометрии)

Поженились юная звёздочка с красным карликом-старой звездой.

Вспоминаю немецкую песенку, что грозит нам знаменьё бедой.

Напрягаю память. Вдруг фраза из забвенья всплывает со дна:

Меж двумя отдельными точками существует прямая одна...

בכניסות צדדיות, בהרבה דפיקות לב.

ואחר-כך היציאה השקטה, כעשן

בלי תרועה. שר מתפטר.

ילדים עיפים ממשחק.

אכן בגלגולים האחרונים

לאחר המורד התלול, במקום שמתחיל

מישור הותור הגדול, אשר ממנו,

כתפילות המתקבלות,

עולה אבק בהרבה רבוא גרגירים.

בואי נשחק

בואי נשחק תחית מתים,

בואי נשחק רבים נגד מעטים.

ומשחק מסע הצפרים של אהבה,

ומשחק שוטרים וגנבים של יאוש ותקוה.

בואי נשחק בקפיצות בין גבולות גיר על העולם.

בואי נשחק, האחרים יצטרפו גם

הם. ומשחק השקט, כשאין עוד מה לומר

ומשחק התופסת שאין לו סוף במדבר.

דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

יש משפט בהנדסה האומר, כי דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

כוכב צעיר התחתן עם כוכבה

ובפנים דבר גרמנית על סכנה קרובה.

רציתי להזכר בזמר וזכרתי רק את המשפט,

כי דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד.

Мне для более многих достаточно всего нескольких твоих слёз.
Так вагоны волочит, мучаясь, в гору маленький паровоз.
Что? Когда мы домой вернёмся? Ты ещё потерпеть должна.
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Иногда нас всего лишь двое, иногда нас нельзя сосчитать.
Иногда, кто ведёт нас куда-то и куда ведёт – не понять.
На иврите о солнце мы можем и "он" сказать, и "она".
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Наша жизнь идёт то, как писано, то вдруг, как повелят года.
Предстоящую жизнь в мире будущем проживаем здесь иногда.
Наша жизнь то едва плетётся, то галопом мчит, сил полна.
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Песня на музыку Шломо Арци в его исполнении на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=cCqGnplGdAY>

Ко дню рождения

Тридцать два раза я выходил в жизнь,
С каждым разом всё менее болезненно для мамы,
Не так больно для других,
Но всё больнее для себя.

Тридцать два раза я одеваю на себя мир
И он пока не притёрся,
Давит на меня.
Не то что пиджак, повторяющий форму моего тела, -
Тот удобен...
И будет изнашиваться всё больше.

Тридцать два раза я проверял расчёт

בְּכֵיךְ הַקָּטָן מִסְפִּיק לְהִרְבֵּה כְּאֲבִים,
כְּמוֹ קֶטֶר הַמוֹשֵׁךְ קָרוֹנוֹת רַבִּים.
מִתִּי נָשׁוּב הַבֵּיתָה? חֲכִי עוֹד מְעַט.
כִּי דֶרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

לְפַעֲמִים הַשֶּׁמֶשׁ זָכָר, - נִקְבָּה,
לְפַעֲמִים אֲנִינּוּ שְׁנַיִם, לְפַעֲמִים יוֹתֵר מִרְבָּה,
לְפַעֲמִים אֵינִי יוֹדֵעַ מִי יַחֲזִיק אוֹתָנוּ בְּיָד.
אֲבָל דֶּרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

חַיֵּינוּ שֶׁבְּכֶתֶב הָיוּ לְחַיֵּינוּ שֶׁבְּעַל-פֶּה.
חַיֵּינוּ שֶׁבְּעוֹלָם הַבָּא לְחַיֵּינוּ שֶׁבְּזֶה.
חַיֵּינוּ הַמְּמַהֲרִים וְחַיֵּינוּ הָעוֹבְרִים לֹאט,
דֶּרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

ליום הולדת

שְׁלֹשִׁים וּשְׁתַּיִם פְּעַם יֵצְאֵתִי אֶל חַיֵּי
וּבְכָל פְּעַם מְכַאֵב פְּחוֹת לְאִמִּי,
פְּחוֹת לְאַחֵרִים,
יוֹתֵר לְעַצְמִי.

אֲנִי לּוֹבֵשׁ אֶת הָעוֹלָם
וְטָרָם הִתְאַם לִי.
הוּא מַעִיק עָלַי.
שֶׁלֹּא כְּמַעִיל, שֶׁצּוֹרְתוֹ עֲכָשׁוּ צוֹרֵת גּוֹפִי
וְהוּא נוֹחַ
וְיִתְבַּלֶּה.

עֲבַרְתִּי עַל הַחֲשָׁבוֹן

И так и не нашёл ошибки.
Каждый раз начинаю заново,
И мне не дают закончить.

בְּלִי לְמַצֵּא אֶת הַטְּעוֹת,
הַתַּחֲלָתִי אֶת הַסִּפּוּר
וְלֹא נִתְּנוּ לִי לִסְיָמוֹ.

Тридцать два года я ношу на себе черты характера своего отца
И большую часть их оставил в дороге,
Чтобы облегчить ношу.
Во рту вкус травы. Я удивляюсь,
И морщина между глазами, которую ничем не сотрёшь,
Начала по весне расцветать вместе с деревьями.
А дела мои сокращаются

שָׁנָה אֲנִי נוֹשֵׂא עִמִּי תְּכוּנוֹת אָבִי
וְאֶת רֶבֶן הַשְּׂרָתִי לְאֶרֶץ הַדֶּרֶךְ,
כְּדִי לְהִקָּל מַעְלִי אֶת הַמַּשָּׂא.
וּבְפִי עֲשֻׁבִּים. וְאֲנִי תוֹהָה,
וְהַקּוֹרָה בֵּין עֵינַי, שֶׁלֹּא אוּכַל אוֹתָהּ לְטַל
הַחֲלָה לְפָרוֹחַ בְּאַבִּיבִים עִם אֵילָנוֹת.
וּמַעֲשֵׂי מִתְמַעֲטִים

Всё больше и больше. Но
Комментарии вокруг них всё разрастаются
Подобно тому, как Талмуд, становясь всё труднее,
Сокращается на листе:
Толкования и дополнения
Закрывают его со всех сторон.

הַלֵךְ וְהִתְמַעֵט. אָבֵל
הַפְּרוּשִׁים גָּדְלוּ סְבִיבָם, כְּמוֹ
כְּשֶׁהַתְּלִמּוּד נִכְשָׁה קֶשֶׁה
מִצְטַמֵּצִם בְּדֶף,
וְרָשֵׁי וְתוֹסֵפוֹת
סוֹגְרִים עָלָיו מִכָּל צֶדֶד.

Сейчас, после тридцати двух попыток,
Я – всё ещё басня
Без шансов стать моралью.
И я стою без маскировки на глазах у врага,
С устаревшими картами в руке,
Против растущего сопротивления,
Один между башен, без совета
В большой пустыне.

עֲכָשׁוּ, אַחֵר
אֲנִי עֵדִין מִשָּׁל
בְּלִי סְכוּיִים לְהִיּוֹת נִמְשָׁל.
וְעוֹמֵד בְּלִי הַסּוּאָה מוּל עֵינֵי אוֹיֵב
וּמִפּוֹת מִישָׁנוֹת בְּיָדִי
בְּהִתְנַגְּדוֹת הַגּוֹבֶרֶת וּבֵין מְגִדִּים
וּלְבָדִי, בְּלִי הַמְּלָצוֹת
בְּמַדְבָּר הַגָּדוֹל.

Матери

לאם

1.

[א]

Как старая ветряная мельница:
Всегда две руки подняты вверх, взывая к небу,

כְּמוֹ טַחֲנַת-רוּחַ יְשָׁנָה,
תָּמִיד שְׁתֵּי יָדַיִם מוֹרְמוֹת לְצַעֲוֶק אֶל רִקְיָעַ

А две опущены вниз – нарезать ломти хлеба.

Глаза её чисты и блестят,
Как дом перед пасхальным вечером.

Ночью она разложит все письма
И фотографии – одну возле другой,

Чтобы по ним измерить
Длину Божьего пальца.

2.

Я хочу пройти по глубоким сухим руслам
Между её рыданиями.

Я хочу стоять в пекле
Её молчания.

Я хочу опереться
На шершавые стволы её боли.

3.

Она оставила меня,
Как Агарь Исмаила,⁶
Под одним из кустов.

Чтобы не видеть смерти моей на войне.
Под одним из кустов
В одной из войн.

ושתיים מורדות להכין פרוסות.

עיניה נקיות ומצחצחות
כמו ערב פסח.

בלילה תשים את כל המכתבים
והצלומים זה ליד זה,

כדי למדוד בהם
ארך אצבע האלהים.

[ב]

אני רוצה ללכת בודיות
העמקות שבין התיפוחיותיה.

אני רוצה לעמוד בשרב
של שתיקתה.

אני רוצה להשען
אל הגזעים המחספסים של כאבה.

[ג]

היא שמה אותי,
כהגר את ישמעאל,
תחת אחד השחים.

שלא תראה במותי, במלחמה,
תחת אחד השחים
באחת המלחמות.

⁶ Агарь и Исмаил – библейские персонажи

Поэт

Как рот младенца жадно пьёт сосок,
Он глазом жизнь искал, всего желал.
Хоть смену лет не чувствовать не мог,
Но он не попевал.

Взамен корней (как у кустов других)
Он отрастил пока-что только ноги
И, когда вдруг прихлынул к горлу стих,
Подумал: "Попишу немного".

Но срок пришёл. Раскрыв глаза, сумел
Своё предназначение понять.
И стал писать теперь, силен и смел,

Под натиском потребности глубинной,
Поставив тело прочною плотиной,
Чей створ всё в мире может удержать.

Молодой Давид ⁷

Когда восторг победы поутих,
Давид вернулся в строй своих друзей.
С оружием, в доспехах боевых
Казались юноши взрослей.

Друг друга восхваляли кто как мог,
Смеялись хрипло, гордые, в ответ,
Ругались и клялись. Но, одинок,

משורר

כפי תינוק שלא נגמל – עיניו
לא נגמלו והוא רצה יותר
וחש אמנם חלוף קיצים וסתו
אבל בפנים פגר.

ובמקום שבו לאילנות האחרים
צמחו השרשים, היו לו הרגלים.
וכשפתע בו עלו כל השירים
חשב כי רק יכתב בינתים

עד שימצא מה יעש באמת
ובעיניו, שנפקחו לה באחור,
חפש מעבר לחלון. אבל העט

כתב מאד כמו מלחץ זכר.
עכשו הניח את גופו כסכר
אשר מאחוריו הכל אגור.

דוד הצעיר

אחר התשואות הראשונות
חזר דוד אל כל הנערים,
וכבר הרועשים בשריונות
היו כל כך מבגרים.

בחבטות כתף, בצחוק צרוד.
ומישהו קלל ואסדים
ירקו. אבל דוד היה גלמוד

⁷ Имеется в виду библейский рассказ о единоборстве молодого пастуха Давида, будущего царя Израиля, с филистимским великаном Голиафом

Впервые понял он: других Давидов нет.

Не слышал их. Не знал, куда девать
Ту голову, что продолжал держать
Тяжёлую за космы на весу.

"Теперь уж ни к чему. Куда несущ?".
К восторгу войск, как он, глухие, в небо взмыв,
Исчезли грифы, кровью клюв не обагрив.

Из книги "Стихи 1948-1962гг "
Из цикла "Место, где я не был"

Что касается мира

Что касется мира,
Я, как ученики Сократа, - всегда иду рядом с ним.
Вслушиваюсь в его истории и времена года,
И мне остаётся лишь сказать:
Да, действительно,
Ты и в этот раз прав,
Всё так и обстоит.

Что касается моей жизни, я всегда —
Венеция:
Всё, что у других — улицы,
Во мне — тёмный поток любви.

Что касается крика, что касается молчания,
Я всегда — шофар:⁸
Весь год собираю силы,
Чтобы трубить в Страшные дни.

וְחָשׁ לְרֵאשׁוֹנָה שָׁאִין עוֹד דְּוִדִּים.

וְלֹא יָדַע פְּתָאם הֵיכָן יָנֵחַ
אֶת רֹאשׁ גְּלִית שְׁמִשׁוּם מָה שָׁכַח
וְעוֹד הַחֲזִיק אוֹתוֹ בְּתֵלְתָיו.

כָּבֵר מִיָּתֵר הִיָּה עֲכָשׁוּ
וְצִפְרֵי הַדָּם שֶׁנִּדְדוּ הִרְחִיק
שׁוֹב לֹא שָׁמְעוּ, כְּמוֹהוּ, אֶת הָעַם צוֹעֵק.

מן הספר "שירים. 1962-1948"
מן המחזור "המקום שלא הייתי בו"

אֲשֶׁר לְעוֹלָם

אֲשֶׁר לְעוֹלָם,
אֲנִי תַמִּיד כְּתִלְמִידֵי סִיקְרָטָס: הוֹלֵךְ לְצִדּוֹ
שׁוֹמֵעַ עוֹנוֹתָיו וְתוֹלְדוֹתָיו
וְנִשְׁאָר לִי לֹמֵר:
כֵּן, אֲמַנָּם כֵּן הוּא.
גַּם הַפְּעַם צִדְקָתְךָ.
אֲכֵן, נְכוֹנִים דְּבָרֶיךָ.

אֲשֶׁר לְחַיִּי, אֲנִי תַמִּיד
וְנִצְיָה:
כָּל מָה שֶׁרְחוּבוֹת בְּאַחֲרִים,
בִּי — אֶהְיֶה זֹרֶמֶת וְאַפְלָה.

אֲשֶׁר לְצַעֲקָה, אֲשֶׁר לְדִמְמָה,
אֲנִי תַמִּיד שׁוֹפָר:
אוֹגֵר כָּל הַשָּׁנָה תְּרוּעָתוֹ הָאֶחָת
לַיָּמִים הַנּוֹרְאִים.

⁸ Шофар – бараний рог, в который трубят в "Страшные дни", в период между еврейским Новым годом и Судным днём

Что касается дел,
Я всегда – Каин:
Считаюсь до того, что так и не сделаю,
Или после того, что сделаю
И чего нельзя вернуть назад.

אֲשֶׁר לַמַּעֲשִׂים
אֲנִי תַמִּיד קַיִן:
נָע וְנָד לִפְנֵי הַמַּעֲשֶׂה, שֶׁלֹּא אֶעֱשֶׂה,
אוֹ אַחֲרֵי הַמַּעֲשֶׂה
שֶׁאֵין לְהַשִּׁיבוֹ.

Что касается твоей ладони,
Что касается сигналов моего сердца
И планов моей плоти,
Что касается надписи на стене,⁹
Я всегда – невежда: не умею
Ни читать, ни писать.
Головки сорняков
Умеют только шелестеть и качаться на ветру.
Так и голова моя, когда судьба проходит сквозь меня
В другое место.

אֲשֶׁר לְכַף יָדְךָ,
אֲשֶׁר לְסִימְנֵי לְבִי
וְתַכְנִיּוֹת בְּשָׁרִי,
אֲשֶׁר לְכַתֵּב עַל הַקִּיר,
אֲנִי תַמִּיד בּוֹר: לֹא אֲדַע
קְרֹא וּכְתֹב
וְרֹאשֵׁי כְּרָאשֵׁי עֲשָׂבִים שׁוֹטִים,
רַק יוֹדְעֵי לַחֹשׁ וְנוֹעַ בְּרוּחַ,
בְּעֶבֶר גּוֹרֵל דְּרָכָי
לְמַקּוֹם אַחֵר.

Прощай!

הִי שְׁלוֹם

Прощай! Лицо твоё – лишь память. Дымкой тонкой
Былого призрак вновь возник. Летит, летит...
Лес шёпотов, мрак лона, личико ребёнка,
Животных тени, вод текущих вид.

הִי שְׁלוֹם, פָּנֶי אֶת וּכְבֹר פָּנֶי זָכָר.
נִדּוּד עוֹלָה מְאוּב; וְעָף וְעָף.
פָּנֶי חַיּוֹת, פָּנֶי מַיִם וּפָנֶי לָכֶת,
וְיַעַר לְחִישׁוֹת, פָּנֶי חֵיק, פָּנֶי טֶף.

Нам не соприкоснуться больше, как когда-то,
Не нам теперь шептать: "Сейчас, сейчас..."
Ты – женщина, ты – ветер, а была ты
И осень, и порыв – всё, что сближало нас.

לֹא לָנוּ שׁוּב שְׁעָה שֶׁבָּהּ נוּכַל לְגַשֵּׁת.
לֹא לָנוּ לְהַגִּיד: עֲכָשׁוּ, עֲכָשׁוּ.
שֵׁם שֶׁל רוּחוֹת הָיָה לָךְ, פַּעַם אֲשֶׁת
הַכּוֹזֵנִים וְכֹנֹת מְרָאָה וּסְתָו.

Когда мы не могли понять, мы пели вместе:

כִּי מָה שֶׁלֹּא הִבְנוּ, הֵן זָמְרָנוּ יַחַד.

⁹ Возможно, намёк на фразу "Исчислено, взвешено, предрешено", написанную огненной рукой на стене дворца вавилонского царя Валтасара перед его гибелью (ТАНАХ, Писания, Даниил, 5)

Тьма, свет, былое... Заперты замки.
Ты не моя уже, ключ к шифру в новом месте,
Закрыты двери шкафа, платья, рты, соски.

Итак, прощай теперь! Ты бодрствовать устала.
Всё было, как хотели, до поры.
Теперь спокойно спи. Пора настала
Свои лишь видеть сны – бескрайние миры.

Прощай! Узлы и чемоданы смертью дышат.
Верёвки, перья, вещи, как холмы.
Ведь то, чего не будет, так и не напишут.
Никто не вспомнит то, чего не знали мы.

Иль, скажем , скорбь

А вправду ль знать тебе ещё так много надо,
Подруга встреч случайных, прошлогодний снег ?
А «после» не для нас, не капля яда,
А чаша... И молчанье... И навек.

Ведь мы подменены, как сумка или плащ в заботах.
И я уже - не я, и ты – не ты. Потом
Нам не вернуться вновь. Исход субботы,
И свечка гаснет в пальцах, смоченных вином.

От солнца твоего одна луна со мною,
Звук слов незначащих и утешенье фраз:
«Будь добр, оставь» иль «Я хочу покоя»,
Иль, скажем, «Скорбь», или «Всё кончено для нас».

דורות וחשך, פני הסרוגין.
ולא שלי עוד, לא מפענחת,
סגורת פטמות, אבזם, פיאות, ברגים.

לכן שלום לה, לעולם לא נרדמת,
שהכל היה בדברנו, שהכל של חול.
מכאן ולהבא את מחלמת
לחלומות שלך: תבל וכל.

היי שלום, צורות ומזודות המות.
חוטים, נוצות, בליל משכן. משכן שער.
כי מה שלא יהיה, אף יד אינה כותבת,
ומה שלא היה של גוף, לא יזכר.

כגון יגון

האם עליך עוד כל כך הרבה לדעת,
בת ארועים, שלג דאשתיקד.
ואחר כך לא לנו, לא קבעת
התרעלה, אלא הספל והאלם ולעד.

הרי החלפנו כתיקים, כמו מעיל של גשם
בתחנות. לא עוד אני – אני ולא את – את.
שוב לא לחזר. שוב לא יחדו לגשת,
רק לחש של כבוי ביין כבמוצאי שבת.

עכשו נשאר לי משמשך רק הירח,
מלים של מה בכך ונחמה כגון:
הנח הכל. כגון, תן לי לנוח.
כגון, הגיש לי את סופי. כגון, יגון.

Ты тоже устала

Ты тоже устала быть миру фасадом,
Чтоб видели ангелы: вот где краса!
Улыбку оставь и без всякой досады
Дай ветру в улыбке прищурить глаза.

Не спорь, отдохни. Волноваться не надо.
Глаза твои яркие, как лес в сентябре.
Есть слово "любить" в языке водопада?
А как нас найти у Земли в словаре?

Смотри! Что-то движется там под горою.
Быть может, пророк приближается к нам?
Я слышу во сне голос твой. Ты со мною,
Но что я отвечу и что тебе дам?

Из книги "Сейчас в шуме" (1963-1968)

В моё время, в твоём месте

Мы были вместе. В одном времени и месте.
Время было моё, место дала ты.
Спокойное и сильное тело твоё ожидало смены времён года.
Моды проходили над ним – укоротить, удлинить,
В цветочек, из шёлка, белое, облегающее...

Мы сменили человеческие ценности на звериные.
Спокойные и сильные – на века,
Но всегда готовые сгореть в одно мгновение,
Как сухая трава в конце лета.

Я делил с тобой дни. Ночи.
Мы обменивались взглядами с дождём.

גם את עיפת

גם את עיפת כל כך להיות פרסמת
לעולם, שיראו מלאכים: כאן יפה.
נוחי מחיוה. ובלי תרעמת,
לרוח הים תני לקרזל את הפה.

לא תתנגדי, כניר עף גם לה העינים
עפות. גם נשרו פרות משקמה.
איה אומרים, לאהב בלועזית של מים,
מה אנחנו, בלשון האדמה?

הנה הכביש והלכת עליו. מה זאת אומרת,
תל כלשהו, רוח אחרון. איזה נביא...
ובלילה מתוך שנתתי את מדברת.
ואיך אשיב לה ומה אביא.

מתוך הספר "עכשיו ברעש"

בזמני, במקומך

היינו יחדו בזמני ובמקומך.
את נתת את המקום ואני את הזמן.
שקט ונמר המתין גופך בחלף העונות,
אפנות עברו עליו, לקצר ולהאריך,
בפרחים או במשי, בלבן או בצמוד.

החלפנו ערכי בני-אדם לערכי חיות-בר,
שקטים ונמרים ושל נצח,
ובכל זאת מוכנים להשרף כל רגע
עם העשב היבש בסוף הקיץ.

חלקתי את הימים אתך. לילות.
החלפנו מבט עם הגשם.

Не предавались мечтам.
Нас даже не было в наших снах.
И внутри беспокойства гнезвился и дремал
Покой. В моё время в твоём месте.

לא היינו כחולמים,
אף בחלומותינו לא היינו.
ובתוך אי-השקט לן קנן
השקט. בזמני, במקומי.

Но всё изменится, когда сны,
В которых ты снишься мне в эти ночи,
Принесут весть о том, что моему времени с тобой приходит конец,
Как появление всё большего числа чаек
Предвещает близость берега.

אין זאת כי אם החלומות הרבים,
אשר אני חולם עליך בלילות האלה,
יבשרו את קצה אתי,
כבשר רבוי השחפים
את קרבת החוף.

Страшно опознавать

נורא הוא לזהות

Страшно опознавать мёртвых
После обвала или после боя.
Ещё страшнее опознавать их,
Когда они ещё живы и на ногах.
Или в семь вечера в конце улицы,
Когда забвения уже нет,
Но памяти вместо него уже не будет.

נורא הוא לזהות מתים
אחר המפלת, או אחר הקרב.
אבל נורא יותר הוא לזהותם
כשהם חיים והולכים.
או בשעה שבע בערב במעלה הרחוב.
כשהשכחה חדלה להיות
וזכירה לא תבוא במקומה.

Потому что вечность приукрашивается вечностью,
Воды умирают внутри вод
И восстают из них,
А облака плавают только между облаками,
Не то что люди:
Им приходится идти между
Железом и камнем,
Между теми, кто их не любит.

כי נצח מתקשט בנצח,
מים מתים בתוך מים
וקמים מתוך מים.
עננים הולכים רק בין עננים.
לא כן בני האדם:
הם חבים ללכת בין
ברזל ובין אבן
ובין מה שלא אוהב אותם.

У моего дяди железо
Со времён Первой мировой войны
Оставалось рассеянным по телу
Даже после Второй мировой.

היה לי דוד, שברזל
ממלחמת העולם הראשונה
נשאר מפזר בגופו
עד אחרי השניה.

И, только когда он умер, они расстались:
Из железа сделали новые снаряды,
А их дяди – новых дядей,
Новое забвение.

וְכַשְׁמַת שׁוּב נִפְרְדוּ :
מִן הַבְּרָזֵל עָשׂוּ שׁוּב פְּגָזִים
וּמִדּוּדֵי דוֹדִים חֲדָשִׁים,
שִׁכְחָה חֲדָשָׁה.

Отец мой, Царь мой!

אבי, מלכי

Отец мой, Царь мой! Любовь и ненависть без причины
Сделали лицо моё похожим на лицо этой иссохшей земли.
Годы превратили меня в дегустатора болей.
Как дегустатор вин, я различаю
Разные виды безмолвия,
Знаю что умерло. Кто.

אבי, מלכי, אהבת חנם וְשִׁנְאֵת חָנָם
עָשׂוּ אֶת פָּנַי כְּפָנֵי הָאָרֶץ הַחֲרֻבָּה הַזֹּאת.
הַשָּׁנִים הִפְכוּ אוֹתִי לְטוֹעֵם שֶׁל כְּאֲבִים.
כְּמוֹ טוֹעֵם-יֵינוֹת אֲנִי מִבְּחִין
בֵּין מִינֵי שִׁקֵּט שׁוֹנִים,
יֹדֵעַ מַה מֵת. מי.

Отец мой, Царь мой! Сделай так, чтобы лицо моё не разрывалось
От смеха и плача.
Отец мой, Царь мой! Сделай так, чтобы всё, что случается со мной
Между вожделением и печалью,
Не мучило меня; чтобы всё, что я делаю
Вопреки своему желанию,
Выглядело, как моё желание. А желание моё – как цветы.

אבי, מלכי, עֲשֵׂה שִׁפְנִי לֹא יִקְרַעוּ
מִצְחֹק אוֹ מִבְּכִי.
אבי, מלכי, שְׁכַל מַה שִׁיקְרָה לִי
בֵּין תְּאֵנָה וּבֵין עֲצָבוֹת
לֹא יִסֹּר אוֹתִי; וְשְׁכַל הַדְּבָרִים
שָׁאֲנִי עוֹשֶׂה בְּנִגּוּד לְרָצוֹנִי,
יֵרָאוּ כְּרָצוֹנִי. וְרָצוֹנִי כְּפָרְחִים.

Бык возвращается

הפר חוזר

Бык возвращается с арены после рабочего дня,
Выпив кофе со всей квадрилей
И оставив им записку, где указал свой точный адрес и написал
О том, где лежит красная мулета,
О том, что шпага осталась в его твёрдом загривке
И о том, когда он будет дома. Теперь
Он сидит на кровати.
У него тяжёлые еврейские глаза. Он знает,
Что шпаге тоже больно врезаться в мясо.

הפר חוזר מִיָּוֶם עֲבוֹדָתוֹ בַּזֵּירָה,
אַחֲרֵי שִׁשְׁתֵּה קֶפֶה עִם לֹחֲמִיו
וְהַשְׂאִיר לָהֶם פֶּתֶק שֶׁבּוֹ כְּתֻבָּתוֹ
הַמְּדִיקֶת וּמִקוֹם הַמְּטַפַּחַת הָאֲדָמָה.
הַחֲרֵב נִשְׁאַרָה בְּעֶרְפוֹ קִשָּׁה-הָעֶרְף.
וּמִתִּי הוּא בְּבֵית. עֹכְשׁוֹ
הוּא יוֹשֵׁב עַל מִטָּתוֹ בְּעֵינָיו
הַיְּהוּדִיּוֹת הַכְּבֹדוֹת. הוּא יוֹדֵעַ
שֶׁגַם לַחֲרֵב כּוֹאֵב לַחֲדָר לְתוֹךְ הַבָּשָׂר.

В следующем воплощении он будет шпагой. Боль останется.
("Дверь открыта, а если нет - ключ
Под порогом".)
Он знает о милости сумерек и о милости
Правды. В ТАНАХе он причислен к "чистым" тварям.
Он очень кашерный ¹⁰: отгрыгает жвачку,
И даже сердце его разделено на части, рассечено, как копыто.
Из его груди торчат волосы –
Сухие и серые, как из рваного матраса.

Мне ещё предстоит

Мне ещё предстоит начать помнить о тебе
В то время, как другой начнёт познавать тебя,
Нежное бедро изнутри над чулком и то, когда ты смеёшься, –
Проявление первых фотографий его будущих снов.

И мне ещё предстоит забыть тебя,
Когда тот, другой, начнёт помнить тебя
В то время, как другие из других начнут познавать.

А жизнь моя пуста, как цветок, с которого
Оборвали все лепестки – да, нет, да, нет, да.

Быть одиноким – всё равно, как быть в месте,
Где мы не были вдвоём; быть одиноким – это
Забыть, что ты один: пытаться заплатить за двоих
В автобусе... и ехать одному.

Сейчас я прикрою зеркало, как твои фотографии,
И лягу спать. Птица небесная будет клевать мой сон,
А собаки будут слизывать

בגלגול הבא יהיה חרב: הכאב ישאר.
("הדלת פתוחה. אם לא, המפתח מתחת
לסף".)

הוא יודע על חסד ערבים ועל חסד
של האמת. בתנך הוא כתוב עם חיות טהורות.
הוא כשר מאד, מעלה גרה
ואפילו לבו מחלק ושווע כפרסה.
מתוך חזה פורצות שערות
יבשות ואפרות כמתוך מזרון בקוע.

שאצטרך

שאצטרך להתחיל לזכר אותך,
כשאחר יתחיל לגלות אותך, את
פנים ירכיב הרכים מעל לגרב ומתי את צוהקת.
פתוח תמונות ראשונות לחלומותיו בעתיד.

ושאצטרך לשכח אותך,
כשאחר יתחיל לזכר אותך,
כשאחרי אחרים יתחילו לגלות.

וחיי ריקים כפרח שמטרו ממנו
את כל העלים של כן, לא, כן, לא, כן.

ולהיות לבד הוא להיות במקום
שבו לא היינו יחדיו, ולהיות לבד הוא
לשכח שאתה כך: לרצות לשלם בעד שנים
באוטובוס ולנסע לבד.

אכשו אכסה את המראה כמו תמונותיך
ואשכב לישון. עוף השמים יאכל את בשר שגתי.
הכלבים ילקו

¹⁰ Кашерный – пригодный в пищу по еврейским религиозным правилам

Мою кровь изнутри. Как это выглядит снаружи?

את דמי מבפנים. איך רואים דבר מחוץ.

Судьба Бога

גורל אלהים

Судьба Бога
Сейчас, как судьба
Деревьев и камней, солнца и луны,
В которые перестали верить,
Когда начали верить в Него.

גורל אלהים
הוא עכשו כגורל
עצים ואבנים, שמש וירח,
שהפסיקו להאמין בהם
כשהחלו להאמין בו.

Но Он должен остаться с нами –
Хотя бы, как деревья, хотя бы, как камни
И как солнце, луна и звёзды.

אבל הוא מִכָּרַח להשאָר עִמָּנוּ:
לְפָחוֹת כְּעֵצִים, לְפָחוֹת כְּאֲבָנִים
וְכַשֵּׁמֶשׁ וְכִירַח וְכּוֹכָבִים.

Иди, иди

לכי לכי

Что сказано было в долине,
Что прошелестело там,
Отныне
Не услышать ушам.

ממה שִׁדְּבַר בְּעֵמֶק
ממה שִׁשָּׁם רָשַׁרְשׁ,
אף שִׁמְעַץ
לא יִלְחֹשׁ.

Лето весну отодвинет.
Потом
Тень под глазами твоими,
Тень под животом.

אביב לקיץ
יִהְיֶה.
הַצֵּל תַּחַת עֵינַי.
הַצֵּל תַּחַת בִּטְנִי.

Не здесь ли мы шли с тобою?
Был ли отмерен срок?
Нетерпение. Двое
У берега моря. Песок.

הֲאֵם לֹא כָּאן הִלְכָנוּ?
הֲאֵם לֹא זֶה הַסּוּף?
קֶצֶר רוּחַ, נָשֵׁב,
אֶרֶץ חוֹף.

Забыв про слёзы и горе,
Оставив пустыню тут,

מִכָּאן עַד גְּדוֹת הַמַּיִם,
מִן הַמִּדְבָּר, מִבְּכִי,

Иди, пока есть вода в море.
Иди, куда ноги несут.

מִכָּאן עַד כְּלוֹת הַמַּיִם,
לְכִי, לְכִי!

Всё, что случилось в долине,
Отшелестело любя.
Огонь во сне ныне
Видит тебя.

כִּי מָה שִׁקְרָה בְּעֵמֶק
מָה שֶׁרָשַׁשׁ:
עֲקֹשׂוּ חוֹלְמֹת
אוֹתָךְ הָאֵשׁ.

В те дни в это время ¹¹

בְּיָמִים הָהֵם, בְּזֶמֶן הַזֶּה

Отдаляются постепенно "те дни" от "этого времени",
Как караул, возвращающийся в казармы,
Как участники похоронной процессии - с кладбища.
А ты помнишь: "Я не могла упустить тебя"? Из домов,
Где мы жили, иные разрушены. Даже
Эхо падения смолкло. Я думаю часто о том, что
"Это время" всегда почему-то одно,
А "те дни" – их всегда очень много, и я – единственное остриё,
Что ещё выставляет армия тех многих дней. А ты помнишь:
"Это будет последний бой"? Был красивый мотив.
Был в те дни. В это время.

הַיָּמִים הָהֵם נִפְרָדִים לְאַטָּם
מִן הַזֶּמֶן הַזֶּה, כְּמִשְׁמֶר הַחוּזָר אֶל מְקוֹמוֹ,
כְּמִשְׁתַּתְּפֵי הַלְוִיָּה אֶל בֵּיתָם הָרְחוֹק.
זוֹכֶרֶת? "לֹא יָכַלְתִּי לְהַחֲמִיץ אוֹתָךְ". יִשְׁנֶם
כָּבֶד בְּתִים שֶׁבָּהֶם גָּרְנוּ וְשִׁנְהָרְסוּ אַחֲרֵינוּ. אֶפְלוּ
הַד נִפְּילָתָם לֹא עוֹד. אֲנִי חוֹשֵׁב עַל כָּךְ
שֶׁהַזֶּמֶן הַזֶּה הוּא תְּמִיד בִּלְשׁוֹן יַחֲיד
וְהַיָּמִים הָהֵם בְּרַבִּים. וְשֶׁאֲנִי חֵד אֶחָד וְחֵד
שֶׁל צָבָא יָמִים רַבִּים רַבִּים. זוֹכֶרֶת? "זֶה
יְהִי קָרֵב אַחֲרָיו". הַמִּגְנִינָה הִיְתָה יָפָה
בְּיָמִים הָהֵם. בְּזֶמֶן הַזֶּה.

Моё сердце похоже на стену сейчас, на которой
Тени веток колеблются шире,
Чем ветки в саду.
Это свойственно теням.
Это свойственно сердцу.

לְבִי עֲקֹשׂוּ קִיר שֶׁעָלְיוּ עוֹשִׂים צִלְלֵי
עֲנָפִים נְעִים תְּנוּעוֹת גְּדוֹלוֹת יוֹתֵר
מֵאֲשֶׁר בְּמִצִּיאוֹת.
זֶה טֹבֵעַ הַצִּלְלִים,
זֶה טֹבֵעַ הַלֵּב.

Проверка зрения

בְּדִיקַת עֵינַיִם

Отодвинься! Закрой левый глаз. Так. Ещё?

הִתְרַחֵק! עֲצֵם עֵין שְׂמָאל. עוֹד?

¹¹ Из молитвы на праздник Хануки

Да. Ты должен смотреть сюда и читать эти буквы.
Отодвинься ещё. До
Стены. Дальше. Выйди. Что видишь
Там в сумерках? Что узнаёшь? Я? Я помню
Красивую песню, что когда-то давно... И сейчас
Всё ещё? Да, всё время. Не оставляй меня!
Это ты уходишь. Я - нет. Мне всё кажется маленьким и не печалит.
Так. Закрой один глаз. Говори громче! Слышишь?
Не слышу, я уже отошёл далеко. Что ты там
Узнаёшь? Ты помнишь?.. Закрой
Глаз печальный один!
Да.
Теперь глаз печальный второй,
Так. Теперь вижу.
Теперь уже ничего.

Не быть, быть, не быть

Не быть значит не ощущать боли.
Как колокола в далёком христианском городе:
Молить о дожде в Иерусалиме
И обретать его спокойно у озера в Цюрихе.

Прибыть, как я, из страны чудес,
Вроде хождения по Кинерету,
И с трудом идти по жизни, рискуя утонуть.

Быть значит ощущать своё тело
По ударам камней, побивающих тебя изнутри,
И камней, побивающих тебя снаружи.
Моё тело – граница столкновений.

Не быть значит продолжать идти
По Цюриху от того угла, где мы расстались.

כן. עֲכָשׁוּ קְרָא, קְרָא אֶת הָאוֹתִיּוֹת הָאֵלֶּה!
הַתִּרְחֵק עוֹד. עַד
הַקִּיר. הַתִּרְחֵק הַלָּאֵה. צֹא. מָה אַתָּה רוֹאֶה
עֲכָשׁוּ בְדַמְדוּמִים? מָה אַתָּה מְפִיר? אֲנִי
זוֹכֵר שִׁיר יְפֵה שְׁפָעַם. וּמָה עֲכָשׁוּ?
עֲדִין? כָּל הַזְּמַן. אֵל תַּעֲזָבִי אוֹתִי, בְּבִקְשָׁה.
אַתָּה עוֹזֵב. אֲנִי לֹא. הַכֹּל נִרְאֶה קָטָן וְאִפְלוּ בְּלִי עֲצָבוֹת.
עֵצֶם עֵין אַחַת. דְּבַר בְּקוֹל רֶם.
אֵינִי שׁוֹמֵעַ, אֲנִי כֹכֵר רְחוֹק. מָה
אַתָּה מְפִיר? אַתָּה זוֹכֵר? עֵצֶם
עֵין עֲצוּבָה אַחַת!
כן.
עֵצֶם עֵין עֲצוּבָה שְׁנֵיָה, כֵּן.
אֲנִי רוֹאֶה עֲכָשׁוּ,
וְתוֹ לֹא.

לא להיות ולהיות, לא להיות

לא להיות פִּירוּשׁוֹ לֹא לְכָאֵב,
להיות כפִּעֲמוּנִים בְּעִיר נְצִרִית רְחוֹקָה.
לְהִתְפַּלֵּל לְגִשְׁם בִּירוּשָׁלַיִם
וּלְקַבֵּל אוֹתוֹ בְּשִׁקָּט בְּצִירִיף לִיד הָאֵגֶם.

לְבֹא, כְּמוֹנִי, מֵאֶרֶץ הַנֶּסִּים
שֶׁל הַלִּיכָה עַל הַכְּפֹנֶת
וּבְקִשִּׁי לָלֶכֶת עַל חִי' בְּלִי לְטַבֵּעַ.

לְהִיּוֹת פִּירוּשׁוֹ לְחוּשׁ אֶת גּוֹפִי
לְפִי פְּגִיעַת הָאֲבָנִים הַסּוֹקְלוֹת אוֹתִי מִבְּפָנִים
בְּאֲבָנִים הַסּוֹקְלוֹת אוֹתִי מִבְּחוּץ.
גּוֹפִי – הַגְּבוּל. הַתְּנַגְּשִׁיּוֹת.

לא להיות פִּירוּשׁוֹ לְהִמָּשִׁיךְ לָלֶכֶת
בְּצִירִיף, מִן הַפְּנֵה שְׁבָה נִפְרָדְנוּ,

Продолжать идти значит не быть.

להמשיך ללכת: זה לא להיות.

Гайдн. Опус 76 №5¹²

הידן, אופוס 78, מס' 5

Ты не умерла и я не умер.
Мы не исполнили того, что обещали друг другу
Двадцать пять лет назад. У луны
Тогда ещё бывали разные лица – хорошие и плохие.
Цари ещё ходили по своим царствам – не то, что сейчас.
Дыхание бывало длинным и коротким,
Дым не ел глаза, потому что витал высоко.
Две-три войны. Разговоры,
Которые вели мы тогда, доходили сюда,
Ждали понапрасну и разрушались.

את לא מתה ואני לא מת:
לא קיימנו את מה שהבטחנו זה לזה
לפני עשרים וחמש שנים. לירח
היו עוד פנים טובות או רעות.
מלכים עברו דרך מלכותם שלא עוד.
הרבה נשימה, ארקה וקצרה.
עשן שלא הדמיע כי היה גבה.
שים או שלש מלחמות. דבורים
שדברנו אז הגיעו עד הנה
וחכו לשוא והתפוררו.

Оказалось, что мелодия, которую мы слышали тогда,
Была последней спокойной мелодией
Перед большим страхом, не прекращавшимся с тех пор –
Четверть века страха в разлуке.

מתברר שהמנגינה ששמענו אז
היתה הרגועה האחרונה לפני
הפחד הגדול שלא פסק מאז,
מחצית-יובל של פחד וחרדה, ולא יחדו.

Что осталось от той ночи
Слившихся в единый круг вод, вращающихся,
Как граммофонная пластинка?
Может быть то, что остаётся от жизни после расставания –
Немного тепла в печи, чуть побольше – в постели.

מה נשאר מן הלילה ההוא
של מים עגלים מסתובבים
כתקליט של נגינה.
אולי כמו חיים שנשארים אחר הנפרד,
חם בכירים; קצת יותר במטה.

Из книги "И не для того, чтобы помнить" (1971)

מן הספר "ולא על מנת לזכור"

Умерла Лея Гольдберг

לאה גולדברג מתה

Лея Гольдберг умерла в дождливый день,

לאה גולדברג מתה ביום של זרזיף,

¹² Й.Гайдн. Струнный квартет ре мажор

Как и писала в своих стихах;
И перенесла свои похороны
Назавтра, на солнечный день,
Как только она могла.

כפי שָׁרַק בְּשִׁירֶיהָ כְּתֵבָה;
וְדָחְתָה אֶת הַלְוִיָּתָה
לְיוֹם מַחֲרָת שֶׁל שֶׁמֶשׁ,
כְּפִי שָׁרַק הִיא.

Её печальные глаза – единственные,
Способные состязаться с глазами отца моего
В старинной еврейской игре
Тяжёлых глаз, опускающихся
К ямкам под ними.
(Теперь они оба там.)

עֵינֶיהָ הָעֲצוּבוֹת הֵן הַיְחִידוֹת
הַיְכוּלוֹת לְהִתְחַרֵּוֹת עִם עֵינֵי אָבִי
בְּמִשְׁחָק יְהוּדִי עֲתִיק
שֶׁל עֵינַיִם כְּבִדּוֹת הַגּוֹלְשׁוֹת
לְגִמּוֹת לְמִטָּה.
(עֲכָשׁוּ שְׁנֵיהֶם שָׁם.)

Лея умерла после того,
Как литературные приложения
Уже два дня печатались вовсю.
Так она вынудила нас
Написать о ней с неторопливой печалью
Чистыми словами, как только она могла.
(Во время боёв в Негеве её книжку
"Из моего старого дома" я всегда носил в рюкзаке.
Страницы были разорваны и подклеены
Полосками липкой ленты, но я знал наизусть
Все сокрытые в ней слова
И все видимые глазу.)

לְאַה מָתָה יוֹמַיִם
אַחֵר שֶׁהִמוֹסְפִים הַסְּפָרוּתִיִּים
כָּבַר עִמָּדוֹ בְּמִלּוֹא דְּפוּסָם:
כִּן הִיא מְאַלְצֶת אוֹתָנִי
לְבָתֵב עָלֶיהָ בְּנַחַת עֲצוּבָה
וּבְנִקְיוֹן מַלִּים, כְּפִי שָׁרַק הִיא.
(בְּקִרְבּוֹת הַנֶּגֶב הָיָה סִפְרוֹנָה
"מִבֵּיתִי הַיָּשָׁן" בְּתִרְמִילִי תָמִיד.
דְּפִיו הָיוּ קְרוּעִים וּמְדֻבְּקִים
בְּרִצּוּעוֹת פִּלְסֶטֶר, אֲךָ יָדַעְתִּי בְּעַל פֶּה
אֶת כָּל הַמַּלִּים הַמְסֻתָּרוֹת
וְגַם אֶת הַנִּגְלָה.)

Она изучила много языков,
Подталкиваемая человеческой печалью:
Говори, пиши и плачь втихомолку.
(В одной из квартир в Иерусалиме жили после неё
Три девушки,
Одну из которых я очень любил.)

הִיא לָמְדָה שְׁפוֹת רַבּוֹת
מִתּוֹךְ עֲצָבוֹת הָאָדָם הַדּוֹחֲקֹת:
דְּבוּר, כְּתִיבָה וּבְכִי שֶׁקֵּט.
(בְּדִירָה אַחַת בִּירוּשָׁלַיִם גָּרוּ אַחֲרֶיהָ
שְׁלֹשׁ נְעוּרוֹת
שֶׁאַחַת מֵהֶן אֶהְבֵּתִי מְאֹד.)

Мы принесли ей часть сладости
Нашей жизни, чтобы поместила её
В свои стихи, как повидло в пончики.

הִבֵּאֵנוּ לָהּ מִן הַמֵּתוֹק
שֶׁל חַיֵּינוּ, כְּדִי שֶׁתִּכְנִיס אוֹתוֹ
לְשִׁירֶיהָ, כְּרֵבָה לְתוֹךְ סִפְגָּנִיּוֹת.

А горечи и мучений для этого
Хватало у неё самой,
Не нужно было занимать у других.
(Когда моему сыну было два года,
Он называл её "Гольдберг" –
Не "тётя", не "Лея".)

Профессор внутри неё был готов,
Может быть, жить ещё долгие годы,
Но поэт в ней не желал
Состариться. И победил.

Лея умерла. В этом молчании
Она уже здесь владела многими акциями.
Туда она уходит богатой –
Царица, уходящая в изгнание смерти.
А девушки и юноши продолжают читать
Её книги в потаённых
И столь сладостных комнатах
В стране, жизнь которой так захватила её.

На этой горé, что называют "горой упокоенья"
Я думаю сейчас о словах из Пятикнижья
"С печалью в преисподнюю":
Печаль должна быть чем-то
Прекрасным и очень дорогим,
Как золотые и серебряные вещи,
Что кладут в гробницы царей. Так и тут.

Теперь уходи. Собери
Все голоса. Возьми их с собой.
Они твои, наконец.
Возвращайся туда. Мёртвые, вроде тебя, любят точность:
Не могут сказать, как мы: "Я думаю, что...",
"Я хочу сказать, что..." или "Возможно, приду".

אך את היסטוריה להן
ספקה היא בעצמה:
לא נזקקה משל אחרים.
(כשהיה ילדי בן שנים,
קרא לה: "גולדברג".
לא, דודה. לא, לאה.)

הפרופסור שבה, היה
מוכן אולי לחיות עוד שנים רבות.
אך המשוררת לא רצתה
להזדקן. ונצחה.

לאה מתה. בדממה הזאת
היו לה כבר כאן הרבה מניות.
היא יוצאת עשירה לשם;
מלכה היוצאת לגלות של מות.
ואת שיריה יוסיפו לקרא
נערה ונער בחדרים חבוים
ומתוקים בארצה
אשר החיים כבשו אותה.

בהר זה, שקוראים לו "מנוחות",
אני חושב עכשו על המלים
"ביגון שאולה" שבחמש:
יגון צריך להיות דבר
יפה ויקר מאד, כמו
כלי כסף וזהב שהכנסו עם
מלכים מתים לתוף קברם. כך עמך.

לכי עכשו. אספי את כל הקולות
אליה. קחי אותם אתך.
הם שלך, סוף סוף.
חזרי לשם. מתים מדיקים כמוך.
לא יוכלו לומר כמוני: אני רוצה
לומר. אני חושב שכן. אולי אבוא.

Они говорят: "Нет. Не я. Я не...".

Уходи, успокойся, такая усталая Лея,¹³

А нам остаётся только стоять,

Подняв голову, и ожидать

Вестей, плохих и хороших,

Смешанных с запахом сосен.

И не для того, чтобы помнить

И не для того, чтобы помнить,

Живёшь, а чтобы закончить

Труд, который поручен тебе (почему-то тебе),

И не для того, чтоб остаться, ты любишь,

И не для того, чтоб любить, терпишь боль.

Ты спешишь, ты торопишь усталость,

Ты нетерпелив, будто в день перелёта из одной в другую страну,

Ты меняешь лучшие дни своей жизни на несущие благо дожди

В сделке, где результаты так трудно предвидеть,

Переносишь любовь с одного на другого прохожего,

Стоя здесь на Корьентес, а они всё идут и идут...

Вамос! ¹⁴ "Ладно, пойдём". На других языках

Это может звучать не так больно. Пойдём:

Есть вначале иллюзия "вместе",

А после – "каждый сам по себе".

Что-то особенное для листьев

В комнате, где было много света от гостей

¹³ На иврите "леа" – усталая, утомлённая

¹⁴ Испанск.

מתים אומרים: לא, אין אני, אינני.

לכי במנוחות לאה לאה מאד.

ולנו מה נשאר, כי אם לעמד

בראש מורם ולצפות

לבשורות רעות וטובות

מערכות בריח הארנים.

* (ולא על מנת לזכר אתה)

ולא על מנת לזכר אתה

חי, אלא לגמר את המלאכה

שעליך (אף על פי עליך) לגמר,

לא על מנת להשאר אתה אוהב

ולא על מנת לאהב אתה פואב.

מהיר אתה וממהר לעיפות,

קצר רוח כיום טיסה מארץ לארץ,

מחליף שעות חיים טובות בגשמי

ברכה, במסחר לא ידוע,

עובר לאוהב לעובר, ברחוב

קורנינטס, הזרמים, הזרמים.

ומוס, נלך. בשפות אחרות

זה פואב פחות, נלך:

יש אשליה של יחדו

בהתחלה, אחר כך זה מזה.

לעלים משהו מיחד

בחדר המואר באורחים

И от ламп, ты сказала, что возвращаешься в Грецию.
"Настоящая жизнь листа
Начинается не весной, а когда
Он порывает связь с веткой".
Время острое, краткое, чудное – время падения.
И молитва:
Пусть отдалится земля и углубится
Или пусть выше поднимется ветвь!

"Чтобы продлились дни нашей жизни на этой земле".

Встреча со старым другом

От болезней он сделался старым.
На нём печать. Уже склонен признать
После всех продолжительных попыток, что Бога нет
(Я тоже под пыткой признал бы,
Что Бог существует).

"Трудно справиться с жизнью".
Так трудно с газетой справиться
Во время быстрой езды:
Бунтуют листы на ветру
И бьют по лицу. Тут не много прочтёшь.

Его голос звучал ясно,
Как у тех, кто уже забывает и детство своё
И мать, но вдруг вспоминает
Безошибочно номера телефонов
(Может быть, тех, кто давно уже умер).
"А когда-то мы были приятели с Богом".

Его тень длинна снова,
Как тогда – до стены.

ובאורות, אמרת שאת חוזרת ליון.
"חיי העלה האמתיים
מתחילים, לא באביב, אלא
כשהוא נתק מן הענף" זמן חריף
קצר ונפלא של נפילה.
תפילה:
שתתרחק האדמה ותעמיק,
או יגבה הענף.

"למען יאריכו ימינו על האדמה הזאת".

פגישה עם ידיד ותיק

הוא זקן אחר המחלות.
כבר מסמן. כבר מוכן להודות
תחת הענפים הממשכים שאין אלהים
כשם שאני מוכן להודות
תחת ענפים שיש אלהים.

"קשה להסתדר עם החיים"
כמו קריאת עתון סרבני
בנסיעה מהירה,
כשהדפים מתמרדים ומכים
את פני הקורא. ולא יקרא.

קולו היה צלול,
כשל מי שכבר שוכח את ילדותו
ואת אמו הזוכר פתאם
מספרי טלפון מדיקים
(אולי של אלה שכבר מתו).
"הייתי פעם ידיד האלהים".

צלו הארך שוב
עד הקיר: אותה שעה של יום

Тот же час... и стена... те же руки,
Но голос, голос...

אותו קיר, אותן ידים. אך הקול,
קול, קול.

Из книги « За всем этим кроется большое счастье »

מן הספר "מאחורי כל זה מסתתר אושר גדול"

П е с н я

ש י ר

Вот и начало – раскрыто,
Как в родах.
Всё! Хватит! Теперь – отдохнуть.

כמו בתחילת לדה:
יש כבר פתיחה.
די! לא יותר! כך לנוח.

Проводи меня

לוי אותי

Проводи меня к аэропорту.
Я не лечу, не ухожу и не оставляю.
Но проводи меня сквозь туманы маслин
До белого самолёта.

לוי אותי לנמל תעופה.
אני לא עף, אני לא הולך, אני לא עוזב.
אבל, לוי אותי אל מטוס לבן
בין ערפלי עצי זיתים,

Скажи слова, что спешат сказать
В час короткий разлуки времена года,

אמרי מלים שמחליפות עונות
בחפזון קצר של שעת פרידה.

В час, когда руки приходят к
Глазам, полным слёз, словно к
Корыту, чтоб пить и пить.

אז הידים באות אל
העינים הבוכות כמו אל
שקת לשתות ולשתות.

Песня любви

שיר אהבה

Люди пользуются друг другом
Как средством от боли. Один другого
Прикладывают к ранам житейским своим,
Ко рту и к глазам, к лобку и к ладони
раскрытой.

אנשים משתמשים זה בזה
כמרפא לכאבם. אחד את השני
שמים על הפצעים הקיומיים שלהם,
על העין, על הערוה, על הפה ועל היד

Сжимают один другого и не хотят отпускать.

Есть у меня мёртвые

Есть у меня мёртвые, погребённые в воздухе,
Есть мать, оплакавшая меня, хотя я ещё жив.

Я похож на место,
Воюющее с временем.

Когда-то зелёный цвет был счастлив
Рядом с твоим лицом в раме окна.

Только в своих снах я могу ещё сильно любить.

Слова – это ступени

Когда щебень перестанет хрустеть на дорожках,
Я забуду то, о чём помнил с болью:
Руки, с удивлением прижатые к сердцу,
Сад, растянувшийся до границ ночи
И рот, принявший форму для восхваления,
Который целует рот, подходящий для сладкой элегии.

"Приди в мой прохладный дом" (с толстыми стенами).
Так прошло лето.

Небеса похожи на людей, которые вот-вот
Должны уезжать; они впитывают
Позолоченный пейзаж
Вместе со слезами и последним глотком напитка.

הפְּתוּחָה.
תּוֹפְשִׁים זֶה אֶת זֶה וְלֹא רוֹצִים לְהִנִּיחַ.

יש לי מתים

יש לי מתים שהם קבורים באויר
יש לי אם שכולה בעודני בחיים.

אני כמו מקום
שעושה מלחמה עם הזמן.

פעם, הצבע הירק שמח מאד
ליד פניך בחלון.

רק בחלומותי אני עוד אוהב חזק.

המלים הן מדרגות

כִּשְׁהִחְצָץ יִפְסִיק לַחֲרֹק בְּשִׁבְלִים,
אֲשַׁכַּח שְׁנִית אֶת שְׁזָכְרָתִי בְּכָאֵב:
יָדַיִם מְשׁוּכּוֹת אֶל הַלֵּב בְּתִמְהוֹן,
גַּן שְׁנִמְתָּח עַד שׁוּלֵי הַלֵּילָה
וּפֶה עֲשׂוּי בְּצוּרַת הַלֵּל
מִנֶּשֶׁק פֶּה הָעֲשׂוּי בְּמַדַּת הַקִּינָה הַמְּתוּקָה.

"בוא אל ביתי הצונן" (שקירותיו עבים)
קר עבר הקיץ.

השמים, כמו אנשים שעוד מעט
צריכים לנסע, אשר בולעים
את המראה המזרחי
עם דמעות ומשקה אחרון.

Так прошло лето. Приди
В мой прохладный дом. Слова – это ступени.

Тот, кто забывает

Одного человека забыв,
Забудешь троих: его,
Название улицы, где он жил,
И того, чьё имя она носила.

Ты не обязан плакать.
Тогда там стояли два эвкалипта.
Выросли, верно. То было
Вечером. Ты не обязан плакать.

Это сейчас всё тихо,
Верно, разумно, печально чуть-чуть,
Как отец, что один растит малыша-сына,
Как сын, что один растёт у отца своего.

Печаль в глазах и картины пути

Есть память смутная, – как сахаром цветным,
Она покрыта гомоном играющих детей.
Есть вещи, что не защитят
Уже тебя. И двери есть – они могилы крепче.

И есть мелодия, похожая на ту, у Мазэди
Возле Каира, обещавшую тогда
То, что молчание «сейчас»
Старается исполнить, только зря.

И место есть, куда вернуться не сумеешь ты.

כף עבר הקיץ. בוא
אל ביתי הצונן. מלים הן מדרגות.

מי ששוכח

מי ששוכח אדם אחד,
שוכח שלשה: אותו
ואת שם הרחוב שבו גר
ואת האיש שהרחוב נקרא בשמו.

אתה לא מכרח לבכות.
שני עצי איקליפטוס עמדו שם.
ודאי גדלו. לקראת לילה
היה אז. אתה לא מכרח לבכות.

זה הכל שקט עכשו
ונכון ונכון וקצת עצוב,
כמו אב שמגדל לבדו ילד קטן,
כמו ילד קטן שמגדל לבדו אצל אב.

עצבות עינים ותאורי מסע

יש זכרון אפל שרעש ילדים
משחקים מפזר עליו כספר צבעוני.
יש דברים ששוב לא יגנו
עליך. ויש דלתות חזקות מקברים.

יש מנגינה, כמו ההיא במעדי
ליד קהיר, שהבטיחה דברים,
אשר השתיקה של עכשו
לשוא תרצה לקיים.

ויש מקום שלא תוכל לשוב אליו.

Его скрывают ветки днём
И освещает лампа среди ночи.
И больше ничего я не могу сказать,
И больше ничего не знаю.

Забуть и улететь. Летать и забывать. И это всё.
Всё прочее – печаль в глазах, картины на пути.

Другая песня любви

Тяжёлый, усталый с женщиной на балконе:
"Останься со мной!" Умирают дороги точно так же,
Как люди, - тихонько или вдруг подломившись.
Останься со мной. Я хочу быть тобой.
На этой горящей земле
Слова должны быть тенью.

Мы были близки

Мы были друг другу близки,
Как два номера в лотерее
С разницей маленькой в цифре одной –
Одному, глядишь, повезёт.

Твоё прекрасное лицо и имя на тебе, как печать
На коробке чудесного деликатеса.
Плод и имя его.
Ты всё ещё там, внутри?

В дни, когда каждый день
Будет так же сладок, как ночь,
И красив, во времена людей,
Для которых время не будет важно уже,

ועץ מסתיר את זה ביום
ומנורה מאירה את זה בלילה,
ויותר אני לא יכול להגיד
יותר אינני יודע.

לשכח ולפרח. לפרח ולשכח; זה הכל.
השאר, עצבות עינים ותאורי מסע.

שיר אהבה אחר

כבד ועיף עם אשה על מרפסת:
"השארי אתי". גם דרכים מתות
כבני אדם: בשיקט או פתאם נשברים.
אני רוצה להיות את.
בארץ הלוחטת הזאת,
מלים צריכות להיות צל.

היינו קרובים

היינו קרובים זה לזה,
כמו שני מספרים בהגרלה
בהפרש קטן של ספרה אחת
ואחד מהם יזכה, אולי.

ויפים פניה ושמך המדפסים עליה,
כמו על קפסה של מעדן מפלא
הפרי והשם
האם את עדין בפנים?

בימים שבהם הימים
יהיו מתוקים כלילות
ויפים בזמני אנשים
שהזמן אינו חשוב להם עוד,

Мы узнаем, узнаем...

נדע, נדע

Рекомендательное письмо

מכתב המלצה

Летними ночами я сплю
Голый в своей кровати в Иерусалиме
На краю глубокого ущелья,
Не боясь скатиться в него.

בִּלְיֹלֹת קִיץ אֲנִי יָשֵׁן
עֶרְם בִּירוּשָׁלַיִם, בְּמִטָּתִי
שְׁעַל שְׂפַת הַגֵּיא הָעֵמֶק
בְּלִי לְהִתְגַּלְגַּל לְתוֹכוֹ.

Днём, когда я иду,
Повторяю, как десять заповедей,
Как старый куплет, который человек бубнит себе под нос:
Дотронься до меня, дотронься до меня, добрая женщина!
То, что ты нащупала под рубашкой, не рубец.
Это сложное рекомендательное письмо моего отца:
"Он, в общем-то, парень хороший и полон любви".

בַּיּוֹם אֲנִי מֵהֶלֶךְ
וְעֹשֶׂת הַדְּבָרוֹת בְּפִי
כְּפִזְמוֹן יָשֵׁן, שְׁאֵדָם מִפֶּזֶם לְעֶצְמוֹ.
תִּגְעִי בִּי, תִּגְעִי בִּי, אִשָּׁה טוֹבָה!
זוֹ לֹא צִלְקֶת, שְׂאֵת חֲשָׁה מִתַּחַת לְחִלְצָתִי.
זֶה מִכְתָּב הַמִּלְצָה מְקַפֵּל מְאֹד שֶׁל אָבִי:
"הוא, בְּכֹל זֹאת, יֵלֵד טוֹב וּמֵלֵא אֶהְבֶּה".

Я помню, как отец будил меня для покаянных молитв,¹⁵
Поглаживая мой лоб,
А не стаскивая с меня одеяло.

אֲנִי זֹכֵר אֶת אָבִי שֶׁעוֹרֵר אוֹתִי לְסְלִיחוֹת.
בְּלִטִּיפֹת מִצְחִי עֹשֶׂה כָּה,
לֹא בִקְרִיעַת הַשְּׂמִיכָה מֵעֲלִי.

С тех пор я люблю его ещё больше.
И в награду за это пробудят его
Осторожно, с любовью
В день воскресения мёртвых.

וּמֵאֲזַ אֲנִי אוֹהֵב אוֹתוֹ עוֹד יוֹתֵר.
וּבְזָכוֹת זֹאת יַעֲרִו אוֹתוֹ
בְּעֵדִינּוֹת וּבְאַהֲבָה
בַּיּוֹם תְּחִיַּת הַמֵּתִים.

Помнить – это своего рода надежда

לזכר הוא מין תקווה

Скорость увеличения расстояния между нами:
Не та, когда один уходит, а другой остаётся на месте,
А удвоенная скорость, когда отдаляются друг от друга.

הַמְהִירוֹת שֶׁל הַמְרָחֵק בֵּינֵינוּ:
לֹא שְׂאֵחָד הֵלֶךְ וְהַשְׁנִי נִשְׁאַר,
אֶלָּא הַמְהִירוֹת הַכְּפוּלָה שֶׁל הוֹלְכוֹם זֶה מִזֶּה.

¹⁵ "Слихот" – молитвы, произносимые в течение месяца, предшествующего Новому году

Даже остатки разрушенного мной дома мне не принадлежат.
А когда-то слова, которые мы хотели говорить вместе всю жизнь,
Были похожи на сложенные аккуратно окна нового дома,
О котором мы пока что молчали.

Не знаю, что произошло с тобою с тех пор,
Так же, как не знаю, как произошло со мной то,
Что произошло с тех пор:
Помнить – это своего рода надежда.

В годовщину

В годовщину я пошёл посмотреть
На друзей отца, которые погребены в одном ряду с ним –
Выпускники курса его жизни.

Я помню большинство из них по именам,
Как отец, забирающий маленького сына из школы,
Знает его товарищей по классу.

Отец мой всё ещё любит меня, а я люблю его всегда.
Поэтому я не плачу. Но,
Как приличествует месту,
Зажигаю слёзы в глазах с помощью
Расположенной рядом могилы мальчика:
"Наш Йоси четырёх лет от роду".

Человек возле реки в тумане

Милосердный белый туман
Закрывает ему глаза, подобно тому,
Как закрывают чёрной повязкой

מן הבית שְהרסתי, אָפְלוּ הַשְּׁבָרִים אִינָם שְׁלִי.
וּפַעַם הָיוּ הַמַּלְיִם שֶׁרָצִינוּ לְדַבֵּר יַחְדָּו בְּמִשְׁךְ חַיִּינוּ
כְּעֶרְמָה מְדִיקֶת שֶׁל חִלּוֹנוֹת לֵיד בִּנְיָן חֹדֶשׁ
כְּשֶׁעָדִין שְׁתִּקְנוּ.

אִינִי יוֹדֵעַ מָה קָרָה לָךְ מֵאָז
כָּשֶׁם שֶׁאִינִי יוֹדֵעַ אִיךָ קָרָה
לִי מָה שֶׁקָּרָה לִי מֵאָז:
לְזַכֵּר הוּא מִיָּן תִּקְוָה.

ביום השנה

בְּיוֹם הַשָּׁנָה הִלַּכְתִּי לְרֹאוֹת אֶת
הַחֲבָרִים שֶׁל אָבִי, אֵלֶּה הַקְּבוּרִים עִמּוֹ בַּשּׁוּרָה,
מִחֲזֹר סִיּוֹם חַיָּיו.

אֲנִי זוֹכֵר אֶת רֹב שְׂמוֹתֵיהֶם,
כְּמוֹ אֵב שֶׁלּוֹקַח אֶת בְּנוֹ הַקָּטָן מִבֵּית הַסֵּפֶר
וּמְפִיר אֶת חֲבֵרָיו שְׁאֵתוֹ.

אָבִי עָדִין אוֹהֵב אוֹתִי וְאִנִּי אוֹהֵב אוֹתוֹ תָּמִיד.
לֵכֵן אִינִי בּוֹכָה. אָבֵל
כְּדִי לְצֹאת יְדֵי חֹבֶת הַמָּקוֹם,
הַדִּלְקֶתִי בְּכִי בְּעֵינֵי בְּעֶזְרֵת
קֶבֶר סְמוּיָהּ שֶׁל יֵלֶד
"יוֹסִי שְׁלֵנוּ בֶן אַרְבַּע בְּמוֹתוֹ".

אדם ליד נהר עם ערפל

הָעֶרְפֶּל הִלְכָּן וְהִרְחוּם
עוֹצֵם לוֹ אֶת עֵינָיו
כְּמוֹ מְטַפַּחַת שְׁחֵרָה

Глаза приговорённому к расстрелу.

על עיניו של גדון ביריה.

И крик его: "Куда ты ушла?"

וקריאתו, "איפה את?",

Подобен крику:

היא כמו קריאת

"Да здравствует свобода!"

"תחי החירות!"

Прошедших геройских дней.

של ימי גבורה שחלפו.

Я нашёл тебя

מצאתי אותך

"Я нашёл тебя", - шепчут влюблённые. Правда,

"מצאתי אותך", כך הדבור באהבה. בלי

Тебя я не терял. Боль потери давнишней –

שאבדתי אותך. כאב האבדן קרה לפני כן,

Там, за сценой, во время иное – уже позади.

מחוץ לבמה, בזמן אחר, לא מכאיב.

Что осталось – подобно следам от плетённого кресла

מה נשאר. כסימני שתי וערב

Из соломы на бедре женщины, что сидела у моря,

של כסא קש בירך אשה שישבה ליד הים

Поднялась и ушла. Или надписи кремом

וקמה והלכה. או, ככתב על עוגת השמחה.

На праздничном торте, где уже "я люблю" отделено от "тебя".

המלים "אני אוהב" כבר חתוכים מן ה"אותך".

("Эти морщины – от горечи?" Нет,

("אלה קמטים של מרירות בפנים". לא

Это морщины от боли глубокой.)

אלה קמטים של כאב עמק.)

... Или, как на войне, где солдаты беззвучно

או, כמו במלחמה, כשאנשים שקטים

В предсмертном томленье считают секунды

במועקת המות מונים את הזמן

Между вспышкой от выстрела пушки, столбом дыма и

בין אש התותח ובין עמוד העשן

Свистом снаряда, чтоб точно узнать...

ובין הקול, כדי לדעת במדיק.

Мы давно перестали считать.

כבר מזמן אנחנו לא מונים.

Мы забыли и знать не хотим.

שכחנו ואיננו רוצים לדעת.

Доктор Нахум Голдман

דוקטור נחום גולדמן

К нам доктор Нахум Голдман ¹⁶ приезжает каждый год

דוקטור נחום גולדמן בא כל שנה

¹⁶ Нахум Голдман (1895-1982) – один из основателей и президент Всемирного еврейского конгресса, на котором был поставлен вопрос о создании национального государства. В разное время занимал важные общественные должности. Вёл переговоры с Германией о

В День независимости, чтобы повидать народ,
Бурлящий в праздник свой в тоске глубокой.¹⁷
Глаза у доктора хитры и тёмны, словно щёлки
На кружках для пожертвований тайных.
Он в своё маленькое тело собирает
Всю скорбь еврейскую и деньги.

Он каждый год стареет лет на тысячу,
Но это не заметно глазу. После
Погрома каждого есть ночь любви.
Он с Навуходоносором ведёт переговоры,
С владыкой-зверем сумасшедшим.¹⁸ Он встречается с отцом
Моим умершим намного чаще,
Чем я.

Он нас освобождал, и мы его не раз
Освобождали. Он – учитель плавания в истории.
Он учит плыть народ
Движениями неторопливыми существования:
Не стилями новейшими, а рассекая грудью воду,
И голову большую держать с печалью над водой. Дышать, дышать.

А в стороне, в короне золотых волос,
Стоит и смотрит женщина в почитительном молчанье,¹⁹
Как проплывают мимо евреи – мёртвые, живые – вместе.

בַּיּוֹם הַעֲצָמָאוֹת לִרְאוֹת אֶת עַמּוֹ
הַמְּבֻעָבֵעַ בְּרֹב גְּעוּעִיּוֹת בַּיּוֹם חָגוֹ.
עֵינָיו הֵן עֲרֻמוּמִיּוֹת וְכֹהוֹת
כְּסֻדְקֵי קָפוֹת צִדְקָה שֶׁל מֵתִן בְּסֹתֵר.
לְתוֹךְ גּוֹפּוֹ הַקָּטָן
הוּא אוֹסֵף יְגוֹן יְהוּדִי וְכֶסֶף.

כָּל שָׁנָה הוּא מְזַקֵּן בְּאַלְפִים שָׁנָה
וְלֹא נֶכֶר בּוֹ. תְּמוּרָת
כָּל פּוֹגְרוֹם יֵשׁ לוֹ לֵיל אֶהְבָּה.
הוּא נוֹשֵׂא וְנוֹתֵן עִם נְבוּכַדְנֶאצַּר
מֶלֶךְ-הַחַיָּה הַמְּשֻׁעֶת. הוּא נִפְגָּשׁ גַּם
עִם אָבִי הַמֵּת לְעֵתִים קְרוּבוֹת
יֹתֵר מִמֶּנִּי.

הוּא פּוֹדֶה אוֹתֵנוּ וְאֵנוּ תָּמִיד
פּוֹדִים אוֹתוֹ. הוּא מוֹרֶה שְׁחִיָּה
בְּהִיסְטוֹרִיָּה, מְלַמֵּד אֶת עַמּוֹ לְשִׁחוֹת
בְּתַנוּעוֹת הַהִתְקִימוֹת הָאֲטִיּוֹת,
לֹא חֲתִירָה מוֹדֶרְנִית, אֲלֵא שְׁחִית חֲזָה
בְּרֹאשׁ גָּדוֹל וְעֻצּוֹב מַעַל לַמַּיִם. לְנֶשֶׁם, לְנֶשֶׁם.

אִשָּׁה זְהֵבַת שֶׁעַר עוֹמֶדֶת בְּצַד.
בְּהֶעֱרָצָה שְׁקֵטָה הִיא רוֹאָה אֶת
הַיְּהוּדִים הַצָּפִים, מֵתִים וְחַיִּים יַחְדָּו.

репарациях. После создания государства не раз высказывал мнения, отличные от мнений его руководителей, и жил, в основном, в Швейцарии.

¹⁷ Дню независимости предшествует День памяти павших

¹⁸ Навуходоносор II – вавилонский царь (правил в 605-562 г.г. до н.э.). Согласно Библии (ТАНАХ, Писания, Даниила), Навуходоносор в конце жизни стал вести себя, как животное, питался травой, но исцелился, признав Бога евреев. Здесь намёк на переговоры с Германией

¹⁹ Элиза, жена Нахума Голдмана

По бульвару, где никого нет

И колокол считать нас начал: эти двое...
Надежды были теми же, что и вчера.
Мы всё оставили с тобою как чужое,
Как комнату, что мы покинули с утра.

Как ухо, изогнулся каждый камень,
и ветер появился, как из глаз,
услышать каждый шорох между нами,
услышать и забыть уже сейчас.

Деревья в путь пустились, дует ветер
вдоль по бульвару, где прохожих нет.
Один придёт ещё за нами вслед.
Один придёт ещё за нами вслед.

Как ухо, изогнулся каждый камень ...

А ты уже одна, как банк под вечер
с запасом золота внутри, внутри тебя.
И ночь забвения придёт к исходу дня.
И ночь забвения придёт к исходу дня.

Как ухо, изогнулся каждый камень ...

Когда мне придётся

Когда мне придётся вспоминать тебя,
когда другой начнёт открывать тебя, -
мягкую внутреннюю поверхность бёдер выше носка,
пока ты смеёшься, -
проявлять первые образы его будущей мечты...

לאורך השדרה שאין בה איש

ופעמון החל, לאט, לספור אותנו,
והתקוות היו כמו שלשום.
עזבנו את הכל, כלא שלנו,
כחדר שעוזבים אותו פתאום.

ורוח באה כמתוך עיניים
כאפרכסת אוזן נתקער הנוף
לשמוע כל הרחש בין השניים
לשמוע ולשכוח את הרוב.

וכבר האילנות יצאו לדרך
לאורך השדרה שאין בה איש,
אחד יגיע רק, השאר בכביש.
אחד יגיע רק, השאר בכביש.

ורוח באה כמתוך עיניים

וכבר את לבדך, כבנק בערב,
עם הזהב שבתוכו, שבתוכך,
וליל השכחה יבוא לוחך.
וליל השכחה יבוא לוחך.

ורוח באה כמתוך עיניים

כשאצטרך

כשאצטרך להתחיל לזכור אותך
כשאחר יתחיל לגלות אותך
את פנים ירכי"ך הרכים מעל הגרב
ומתי את צוחקת
פיתוח תמונות ראשונות לחלומותיו בעתיד

И когда мне нужно будет тебя забыть,
когда другой начнёт вспоминать тебя
после того, как другие начнут открывать тебя...

וכשאצטרך לשכוח אותך
כשאחר יתחיל לזכור אותך
כשאחרי אחרים יתחילו לגלות

И моя жизнь пуста, как цветок,
с которого сорваны все лепестки «да» и «нет».
И быть одному значит быть в том месте, где мы не были вместе,
и быть одиноким - это забыть, что ты такой,
хотеть заплатить за двоих в автобусе...
и ехать одному,
и ехать одному,
и ехать одному...

וחיי ריקים כפרח
שמרטו ממנו את כל העלים של כן לא
ולהיות לבד הוא להיות במקום שבו לא היינו יחדיו
ולהיות לבד הוא לשכוח שאתה כך
לרצות לשלם בעד שניים באוטובוס
ולנסוע לבד
ולנסוע לבד
ולנסוע לבד

Сейчас я прикрою зеркало, как твои фотографии,
и я лягу спать.
Небесные птицы будут клевать мясо сна моего,
собаки будут лизать мою кровь изнутри.
Снаружи не видно ничего.

עכשיו אכסה את המראה כמו תמונותייך
ואשכב לישון
עוף השמיים יאכל את בשר שנתי
הכלבים ילוקו את דמי מבפנים
אין רואים דבר מחוץ

И моя жизнь пуста, как цветок ...

וחיי ריקים כפרח...

Кто это может

מי זה יכול

Давай заснём сейчас далеко от людей,
строящих башни для охраны владений.
Сетка широт и долгот намного верней
ночью удержит нас с тобой от падений.

בואי נירדם עכשיו, רחוק מצורך
האנשים לבנות להם מגדלים,
רשת קווי הרוחב והאורך
תחזיק אותנו, לא נהיה נופלים.

Окно – это квадрат, почти квадрат кровать,
горькая луна на большой круг похожа.
Мы с тобой должны были бы так много знать,
но кто это может?!

החלון מרובע, המיטה כמעט מרובעת
הירח המר תמיד עגול.
היינו צריכים כל כך הרבה לדעת,
אבל מי זה יכול?!

Ты уже закрыла двери на ключ? Проверь!
Сколько есть слов в словаре, можешь представить?
Но у меня для тебя их мало, поверь.
Может, штора и ночь что-то добавят?

Можно, я положу тебе руку на пульс?
Остальные воюют в любой час суток.
Они расширяют горизонт, ну и пусть.
Наш-то - от руки до головы – так узок.

Нужно копить эти тихие ночи впрок,
научиться поступать хитро и мудро.
Вчера мы страдали и извлекли урок,
но он может забыться уже до утра.

Мой спящий сын

Этой ночью мой сын видел сон обо мне
в час, когда мой отец мне явился во сне.

Твой отец ещё жив, мёртв давно мой отец.
Ты в начале пути, мне б уйти наконец.

Я от чувств и волнений остывших далёк,
как от леса, которым он был, уголёк.

И твоё время станет лишь нитью, и так
сладкий «тик-» отдалится от горького «так».

Начинаем игру. Кто ещё не водил?
Тот, кто помнит последним, тот всех победил.

Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила

האם סגרת הדלת במפתח?
תארי לך, כל המילים שבמילון!
וכה מעט בפי לומר לך.
ומה הלילה יגיד, ואיך הווילון?!

אולי אשים ידי לך על הדופק?
האחרים יצאו, הרחק, לכבוש,
האחרים תמיד מרחיבים את האופק
ושלנו צר, מן היד עד הראש.

אנחנו תמיד צריכים לעמוד על המקח
ובעד לילה שקט לבקש רבבה.
אתמול סבלנו ולמדנו לקח
והלילה נשכח עד הבוקר הבא.

ילדי הישן

ילדי הישן חלם עלי חלום
בעת חלמתי על אבי, עליו השלום

לך אבי חי, ולי אבי מת
אתה מתחיל ואני רוצה לצאת

אני רחוק מרגש וחוויה
כרחוק פחם מן היער שהיה

גם לך הזמן ייהפך לחוט דק
והתיק המתוק יתרחק מן התק

המשחק מתחיל: לא להביט מן החלון
והזוכה מי שזוכר אחרון

אמרתי לך שיהיה כך - ולא האמנת

Рядом с поездом видны слои грунта в горе,
один на другом, древние, дуга над дугою.
Мы будем такими же, может быть, завтра уже,
вместе, близко друг к другу, укрыты травой.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Всю ночь луна металась, как душевно больной,
размывая контрасты, успокаивала кровь и воду.
Дитя моё, поверь мне: разницы нет никакой:
закон для двоих тот же, что и для всей природы.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Примус и горшок на нём – оба сейчас на месте.
Что им до нас, они шепчутся друг с другом.
Мы тоже ещё будем с тобою пока что вместе,
Красные, горячие, шептать что-то на ухо.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

В нас есть музыка, но в нас не хватает грома.
Мы, наконец, стать твёрдыми оба должны.
Львёнкам, девочка, добродетельность не знакома,
Только праведники и овцы голодны и бедны.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Мы оба до сих пор безгранично любили,
но подошли к границе, где любви уже нет.
Стражи назвали пароль и ворота закрыли.
Дети ушли, пьеса кончена, выключен свет.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Помните и напоминайте

ליד הרכבת ראינו שכבות בהר,
זו על זו, קדומות, קשת על קשת,
גם אנחנו נהיה כך, אולי מחר,
יחדיו, צמודים, וגבוה מעל – הדשא.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

כל הלילה עמל הירח כמו מטורף
וטשטש ניגודים והרגיע דם ומים.
ילדתי, אין כל הבדל עכשיו,
כדין כל העולם הוא דין השניים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

הפתיליה והסיר שעליה – בנחת
מה אכפת לשניהם, הם זה לזה רוחשים,
גם אנחנו עוד נהיה כך ביחד,
אדומים וחמים ואחד בשני לוחשים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

יש בנו נגינה אך אין בנו די רעם.
מתי סוף-סוף נלמד להיות קשים?
הכפירים, נערה, אינם רעבים אף פעם,
רק צדיקים וכבשים רעבים ורשים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

ראי, אהבתנו עכשיו בלי גבול,
והגענו לגבול שאין בו אהבה.
השומרים אמרו סיסמתם והשער נעול,
הילדים הלכו, החשמל כבה.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

זכרו והזכירו

Вы, помнящие только лица,
не забывайте протянутые руки,
легко бегущие ноги
и слова.

ואתם שזוכרים רק פנים,
אל תשכחו את הידיים המושטות
ואת הרגלים הרצות בקלות
ואת המילים

Помните, что даже поход на жуткие битвы
всегда проходит через окна и сады,
где играют дети и лают собаки.

זכרו שגם היציאה לקרבות הנוראים
עוברת תמיד דרך גנים וחלונות
וילדים משחקים וכלב נובח

Помните и напоминайте упавшему плоду
о листьях и ветках,
напоминайте твердым шипам,
какими мягкими они были весной,
и не забывайте, что кулак тоже
был раньше открытой рукой и пальцами.

זכרו והזכירו לפרי שנשר
את העלים ואת הענף,
הזכירו לקוצים הקשים
שהיו רכים באביב,
ואל תשכחו שגם האגרוף
היה פעם יד פתוחה ואצבעות

Песни Земли Сиона и Иерусалима

שירי ארץ ציון וירושלים (1-39)

«Песни Земли Сиона и Иерусалима» написаны поэтом по следам Шестидневной войны 1967г. и отражают его мироощущение в период всеобщей эйфории. Они входят в книгу «За всем этим кроется большое счастье».

Иерусалим занимает особое место в поэзии Амихая. Известный израильский поэт и современник Иегуды Амихая – Натан Зах считает, что в стихах поэта не меньше любви к Иерусалиму, чем даже в произведениях великого Иегуды бен-Галеви.

Первые 15 частей цикла посвящены теме войны и связанных с ней страданий. Иерусалим здесь не называется явно, но всё время подразумевается. Развиваясь, тема дополняется историческими и философскими аспектами.

Затем центральной становится тема Иерусалима, а война как бы присутствует на заднем плане картины. И вновь, по мере развития темы, в неё вплетаются, помимо личных и конкретных, также исторические и философские мотивы.

В произведениях Амихая важным художественным и содержательным компонентом являются прямые и завуалированные (часто переиначенные) ссылки на древние еврейские религиозные и литературные тексты.

В ивритской литературе прямое и косвенное использование цитат из древних источников – частый приём, делающий текст более художественным и многоплановым, благодаря подразумеваемым ассоциациям, которых тем больше, чем лучше знаком читатель с этими

источниками. Для тех же, кто, не зная древних текстов, не может оценить намёков автора, при переводе приходится ограничиваться прямым смыслом текста.

(1)

[א]

Наш младенец был отлучён от груди в первые дни
Войны. И я сразу помчался наблюдать
За страшной пустыней.

התינוק שלנו נגמל בימים הראשונים
של המלחמה. ואני רצתי להשקיף
על המדבר הנורא.

Ночью вернулся снова посмотреть на него
Спящего. Он стал забывать соски матери
И продолжит забывать до следующей войны.

בלילה חרצתי עוד פעם לראות אותו
ישן. הוא מתחיל לשכח את פטמות אמו
וימשיך לשכח עד המלחמה הבאה.

Так, пока он мал, иссякнут надежды его
И потекут жалобы, чтобы уже не прекращаться.²⁰

וכך, בעודו קטן, נסתתמו תקוותיו
ונפתחו טענותיו שלא יסגרו שוב.

(2)

[ב]

Война началась на пустом пространстве
Между цитрусами и виноградом.

המלחמה פרצה בסתו, בגבול הריק
בין הענבים ובין פרות הדר.

Небеса сини, как вены на бёдрах измученной женщины.
Пустыня – зеркало для смотрящих в неё.

השמים כחלים כורידים בירכי אשה מיסרת.
המדבר, מראה למסתכלים בו.

Помятые мужчины несут память о семьях своих
В горбах ранцев, на ремнях , в портупеях,
В вещмешках душ и в тяжёлых пузырях глаз.

זכרים עצובים נושאים זכר משפחותיהם,
בגבנת תרמיל, במנשא, בחגור,
בשקי נפש ובשלפוחיות כבדות של עינים.

Кровь застыла в жилах его и потому не вытекла,
А раздробилась на сотни осколков.

הדם קפא בעורקיו. לכן לא יוכל להשפך,
אלא רק להשבר לרסיסים.

(3)

[ג]

²⁰ В тексте у Амихая: «иссякнут надежды его и потекут жалобы...» - «перевёрнутая» цитата из средневекового трактата о Синедрионе – верховном суде в древнем Израиле: закупорились (прекратились) жалобы (претензии) его» .

Октябрьское солнце согревает нам лица.
Солдат наполняет мешки рыхлым песком,
Которым когда-то играл.

Октябрьское солнце согревает погибших,
Печаль сходна с тяжёлой деревянной доской,
Где слёзы, как гвозди.

(4)

Мне нечего сказать о войне.
Нечего добавить, хоть я и стыжусь.

Знания те, что впитал я за годы жизни своей, -
Я готов их отдать, как пустыня отдала воду.
Я стал забывать имена, о которых и не помышлял,
Что могу их забыть.

И из-за войны я готов повторить вновь
Ради сладости этой последней простой:
Солнце вращается вокруг Земли, да.
Земля плоская, как доска, да.
Есть Бог в небесах, да.

(5)

Я закрыл сам себя, я похож
На шар тяжёлый яйца. Я впадаю в спячку войны,
Как в зимнюю спячку.

Я назначен командиром убитых
На Масличной горе.

שמש אוקטובר מחממת את פנינו.
חייל ממלא שקים בחול רך
שפעם שחק בו.

שמש אוקטובר מחממת את מתינו,
העצב הוא לוח עץ כבד,
ההדמעות, מסמרים.

[ד]

אין לי מה לומר על המלחמה
אין לי מה להוסיף, אני מתבייש.

הידועות שספגתי אותן בחיי, אני
מוותר עליהן, כמו מדבר שוותר על מים.
אני שוכח שמות שמעולם לא חשבתי
שאשכח אותם.

ובגלל המלחמה אני אומר שוב
למען מתיקות אחרונה ופשוטה :
השמש סובבת סביב הארץ, כן,
הארץ שטוחה כלוח אבוד וצץ, כן,
יש אלהים בשמים, כן.

[ה]

סגרתי את עצמי, אני כמו
בצה כבדה ואטומה, אני ישן מלחמה
כמו שנת חורף.

עשו אותי למפקד של מתים
בהר הזיתים.

Я проигрываю всегда,
Даже если я победил.

(6)

«Где он ранен?» Нельзя понять,
Идёт ли речь о части тела
Или о месте боя.

Иногда пуля проходит сквозь
Тело человека и ранит заодно
И землю страны.

(7)

Кровь, поднимающая член,
Это не сперма.
И пролитая кровь, безусловно,
Это не сперма.

И сперма, что тонет в крови, - не сперма.
И кровь без спермы – ничто,
И сперма без крови – пустое.

(8)

Что завещал нам этот обгорелый мертвец?
То же, что завещает вода, :
Не шуметь, не мутить,
Быть очень тихими рядом с ней,
Дать ей течь.

אני תמיד מפסיד,
גם בנצחון.

[ו]

"איפה הוא נפצע?" אינה
יודע אם הכוונה למקום בגופו
או למקום בארץ.

כדור עובר לפעמים דרך
גוף האיש ופוצע גם את
אדמת הארץ איתו.

[ז]

הדם המזקיף את האיבר
איננו זרע.
והדם השפוף ודאי
שאיננו זרע.

והזרע הטובע בדם איננו זרע.
והדם בלי זרע הוא אין
והזרע בלי דם הוא אפס.

[ח]

מה צוה אותנו האיש המת, השרוף ?
את מה שמצוים אותנו המים :
לא לרעש, לא ללכלך,
להיות שקטים מאד לידם
לתת לזרם.

[ט]

(9)

Потому, что нет мира в сердце моём, -
Есть война вовне.
Я не смог удержать её внутри себя.

Мой маленький сын сказал: «На войне
Пропадают машины. И те,
У которых есть души, - люди».

(10)

Я иногда размышляю о предках своих –
Со времени разрушения Храма,
Через мучения Средневековья, до наших дней.
Но помню я только своего деда.
Не было у него дополнительных рук,
Специальной розетки, второго пупка
Или других средств, чтобы получать и передавать мне.
Богобоязненный сельский еврей,
Старик, слабый глазами,
С длинной трубкой во рту. Первое, что я помню, это
Как бабушка дрожащими руками
Опрокинула мне на ноги горшок кипятка.
Мне было тогда два года.

(11)

Город, где я родился, разрушили пушки.
Корабль, что доставил меня сюда, потоплен во время войны.
Гумно в Хамадии, где я был влюблён, сожжено.
Киоск в Эйн-геди был взорван врагами,
А мост в Исмаилии, который я пересёк
В обе стороны в вечер моей любви,

משום שאין שלום בלבי
יש מלחמה בחוץ.
לא יכלתי להחזיק אותה בתוכי.

ובני הקטן אמר : במלחמה
אובדות מכוונות
ומכוונות נפשיות, שהן בני אדם.

[י]

אני חושב לפעמים על אבותי
ואבות אבותי מזמן חרבן בית המקדש
דרך ענני ימי הבינים עד אלי.
אני זוכר רק עד סבי,
לא היו בו ידים נוספות
או תקע מיחד, או טבור נוסף
או כל מכשירים לקבל ולמסור לי.
יהודי כפרי היה ירא אלהים
וכבד עינים, זקן עם
מקטרת ארפה. הזכרון הראשון
שלי היה כשסבתא, בידים רועדות
הפילה עלי מים רותחים על רגלי
כשהייתי בן שנתיים.

[יא]

העיר שבה נולדתי נהרסה בתותחים.
האניה שבה עליתי, טבעה אחר כך, במלחמה.
הגן בחמדיה שבה אהבתי, נשרף.
הקיוסק בעין גדי פצץ בידי אויבים.
את הגשר באיסמעיליה שעברתי
בו הלך נשוב בערב אהבותי
קרעו לקרעים.

Разорван в клочья.

Позади меня жизнь стирается с карты по точному плану.

Сколько ещё устоят воспоминанья?

Убита девочка из моего детства и умер отец.

Потому не выбирайте меня ни любимым, ни сыном,

Ни тем, кто пойдёт через мост, ни жильцом и ни гражданином.

(12)

На последних словах Трумпельдора ²¹

«Хорошо умереть за отчизну» мы строили родину

Новую роями обезумевших шершней.

Говорил ли он их, те ли были слова,

Может, были, но испарились,

Но остался на месте их свод, как пещера. Цемент

Стал теперь твёрже камня. И это – отчизна моя,

Где я могу грезить, не боясь упасть,

Совершать дурные поступки, не пропадая,

Могу оставить жену и не быть одиноким,

Могу изменять, могу лгать и, не стыдясь, плакать

Без того, чтоб быть брошенным на погибель.

Эту землю покрыли мы полем и лесом,

Но нам не хватило времени, чтоб прикрыть наши лица,

Голы они и в гримасе печали и в уродстве веселья.

Это страна, где земля полна мёртвых

חיי נחלקים אחר לפי מפה מדיקת.

כמה זמן יחזיקו הזכרונות מעמד ?

את הילדה מילדותי הרגו ואבי מת.

לכן אל תבחרו בי לאוהב או לבן,

לעובר גשרים ולדיר ולאזרח.

[יב]

על המלים האחרונות של טרומפלדור

טוב למות בעד ארצנו, בנו את המולדת

החדשה, כמו דבורי בר בפקעות מטרפות.

ואפילו אם אלה לא היו המלים

או שלא אמר אותן או שהיו והתנדפו,

מקומן נשאר מקמר כמעה. המלט

התקשה יותר מאבנים. זוהי מולדת

שבה אני יכול לחלם בלי לפל

ולעשות מעשים רעים בלי לאבד,

לזנוח את אשתי בלי להיות בודד,

לבכות בלי בושה ולבגד ולשקר

בלי להיות מפקר לאבדון.

זוהי הארץ שכסינו אותה בשדה וביער

ולא היה לנו זמן לכסות את פנינו

והן ערמות בעוות הצער ובכעור השמחה.

זוהי הארץ שמתיך באדמה

במקום הפחם והזהב והברזל

והם הדלק לביאות משיחים.

²¹ Трумпельдор Йосеф (1880,Пятигорск - 1920,Тель-Хай) –профессиональный военный, тяжело раненный в Порт-Артуре, отмеченный высокими российскими наградами за храбрость. С детства воспитанный в духе сионизма, много сделал для организации групп переселенцев в Палестину, куда переехал сам в 1912г. Активно участвовал в создании системы самообороны еврейских поселений в Галилее. Был убит во время стычки с арабами.

Вместо золота, угля, железа. Они –
Топливо для явления мессий.

[יג]

(13)

Нафтали Герц Имбер²² сочинил гимн «Надежда»,
Спился в Кливленде, штат Огайо,
И умер без всякой надежды. «Ещё не исчезла...»
Ни Польша, ни надежда двух тысяч лет.
К благородной царице приставлена крепкая стража.
Рассыпаны звёзды по поверхности флага. Отчизны сыны
Давно поднялись и ушли. И давно уже мёртвы.
(Скажи мне, что ты ещё любишь меня.) Так вставай
И воспрянь, это будет последний бой.
Я немного тебя провожу. Сто́ит мне уничтожить
Одно только взлётное поле разлук, как вместо него
Вырастают две железнодорожные станции, порт...
Как у древнего монстра.

Мы пока не пропали. Ну, ещё понемногу. Я мчусь,
Опьяневший и раненый тяжело, вглубь ночи.

(14)

נפתלי הרץ אימבר חבר את התקוה
והשתכר בקליבלנד, אוהיו
ומת בלי תקוה. "עוד לא אבדה"
לא פולניה ולא התקוה שנות אלפים.
המלכה האצילה נצורה היטב. הפוכבים
כבר מפזרים על פני הדגל ובני
המולדת קמו והלכו מזמן ומתו.
(תגיד לי שאת אוהבת אותי.) קום
התנער, זה יהיה קרב אחרון.
אלוה אותך קצת. כשאני משמיד
שדה תעופה אחד של פרדה, צומחים
במקומו שתי תחנות רכבת ונמל
אחד, כמו של מפלצת עתיקה.

עוד לא אבדנו, עוד קצת. אני דוהר
שכור ופגוע קשה לתוך הלילה.

[יד]

מרצון הלילה עזבתי את ארץ הערב
אחרתי לארזים, כבר לא היו.

²² Стихотворение, положенное в основу гимна Израиля «Атиква» (надежда), Нафтали Герц Имбер (1856-1909), уроженец Галиции (Польша), сочинил, по его словам, в 1878 году. «Ещё не пропала..., пока...» – слова из этого стихотворения имеют отношение и к гимну Польши ("Ще Польша не сгинела")

«Королеву хранит благородную крепкая стража» - намёк на близкое знакомство Имбера с английским дипломатом, писателем и мистиком, членом палаты общин Оливером Олифантом и с его женой Элис, к которой Имбер был неравнодушен. Она вскоре умерла, и Бог, надо полагать, хранит её на небесах. (Амихай употребляет тот из синонимов слова «хранить», что используется и в переводе на иврит английского гимна «Боже, храни королеву». Да и сам «сын отчизны» Имбер, пробыв в Палестине пять лет, перебрался в США и покойся под звёздно-полосатым флагом. Далее следует цитата из гимна Коммунистического интернационала ("это будет последний..."). Четыре гимна в одном стихотворении!

По желанию ночи оставил я вѣчера землю.²³
К кедрам я опоздал, их давно уже нет.
Опоздал я и к А.Д.Гордону, и бóльшую часть болот
Осушили, когда я был ещё мал.

Но я удержался от плача, и это
Укрепило основы, и ноги мои,
Что ступают в отчаянье счастья,
Сделались словно плуг или дорожный каток.
Я подрастал, а голос ломался и у матери нашей, Рахели.²⁴
Ко мне возвращаются мысли под вечер,
Как жнецы времён Дгании, полные пыли и счастья
Наверху на арбе.

Теперь я живу в горном городе; здесь темнеет
Раньше, чем около моря.
И я живу в доме, в котором темнеет раньше, чем за стеной.
Но в сердце моём, где я, в самом деле, живу,
Всегда темнота.
Может быть, под конец будет свет
И в нём, как на севере дальнем.

גם אחרתי לא.ד.גורדון ורב הבצות
כבר היו מיבשות בילדותי.

אבל התאפקותי מבכי הקשתה
את היסודות. ורגלי הדורכות
ביאוש אשרי עשו כמחרשות
וכסוללי כבישים.
ובהתבגרותי נשבר גם קול רחל אמנו.
מחשבותי חוזרות אלי לפנות ערב
פקוצרים מימי דגניה, באבק ובאשר.
במרומי עגלה.

עכשו אני גר בעיר הרים שבה מחשיך
לפני שמחשיך ליד הים.
ואני גר בבית שבו מחשיך לפני החוץ.
אבל בלבי, שבו אני גר באמת,
תמיד חשך.
אולי פעם בסוף יהיה אור
כמו בצפון הרחוק.

[טו]

²³ "Землю вѣчера", Германию, семья Амихая покинула в 1935г. из-за наступившей фашистской "ночи". В Израиле западные страны всегда ассоциировались с вечером, с закатом, а восточные - с утром, с восходом солнца. ("маарав" – запад от слова "эрэв" – вечер).

Ливанские кедры, распространённые когда-то и в северной Палестине, были вырублены турками на топливо для паровозов ещё до 1918г.

А.Д.Гордон (1856-1922) – сионист и толстовец, идеолог и практический участник (с 48-летнего возраста) освоения земли Израиля коллективным «еврейским» трудом, в процессе которого была, в частности, осушена заболоченная малярийная низменность Хула в истоках Иордана.

²⁴ Здесь Амихай, как он это нередко делал, использует цепочку ассоциаций. Вначале имеется в виду библейская праматерь Рахель, плачущая по ушедшим из страны сыновьям, которую утешает Господь, предсказывая их возвращение (Пророки. Иеремия, 31, 14), а затем - знаменитая поэтесса Рахель (Блувштейн), которая, приехав в Палестину вторично, после Первой мировой войны, работала некоторое время на сельскохозяйственной ферме в Дгании. Рахель обогатила лексику и тематику ивритской лирической поэзии. Амихай цитирует её стихотворение "Может, этого не было вовсе" (см.)

(15)

Даже любовь свою я измеряю днями войны,
Я говорю: «Это случилось после Второй
Мировой, мы встретились за день до Шестидневной
Войны». Никогда не скажу «до мира
45-48го» или «посредине
Мира 56-67го».

Но известие о мире
Переходит с места на место,
Как детские игры,
Что так похожи во всех местах.

(16)

Песня влюблённых в Иерусалиме: включили
Нас в большинство гневных пророчеств
И почти во все добрые вести.

На красивых открытках с видами города
Мы присутствуем тоже. Нас только не видно:
То ли мы внутри дома,
То ли слишком малы -
Снимок сделан с пролетающего самолёта.

(17)

Похоронное шествие на горе Сион.
Гроб качается, как соломинка
Над процессией чёрных мурашек.

Чёрная сумка вдовы блестит
На вечернем солнце. Да, Ты отец наш.

אֶפִּילוֹ אֶהְבֹּתִי נִמְדָּדוֹת בִּימֵי מִלְחָמָה,
אֲנִי אוֹמֵר, זֶה קָרָה אַחֵר מִלְחַמַּת הָעוֹלָם
הַשְּׁנִיָּה. נִפְגַּשְׁנוּ יוֹם לִפְנֵי מִלְחַמַּת
שְׁשַׁת הַיָּמִים. לְעוֹלָם לֹא אֹמֵר,
לִפְנֵי הַשְּׁלוֹם 45-48 אוֹ בְּאַמְצֵעַ
הַשְּׁלוֹם 56-67.

אָבֵל יָדִיעַת הַשְּׁלוֹם
עוֹבֶרֶת מִמָּקוֹם לְמָקוֹם,
כִּמוֹ מִשְׁחָקֵי יְלָדִים
שְׂדוּמִים כָּל כָּר בְּכָל מָקוֹם.

[טז]

שִׁיר אוֹהֲבִים בִּירוּשָׁלַיִם : אֲנַחְנוּ
כְּלוּלִים בְּרַב נְבוֹאוֹת הַזֶּעַם
וְכַמְעַט בְּכָל הַבְּשׂוּרוֹת הַטּוֹבוֹת.

גַּם בְּגִלְיוֹת הַיְּפוֹת שֶׁל עִירֵנוּ
אֲנַחְנוּ נִמְצָאִים. אוּלֵי אִי אֶפְשָׁר לִרְאוֹת
אוֹתָנוּ כִּי יֹשְׁבֵנוּ בְּבֵית,
אוֹ קִטְנִים מְדִי :
הַצֵּלֹם נַעֲשֶׂה מִמָּטוֹס עוֹבֵר.

[יז]

לָנִיָּה בְּהֵר צִיּוֹן : אֲרוֹן מֵתִים
נִשָּׂא, מִתְנַדֵּד, כְּקֶשׁ קֶטֶן
עַל תְּהִלּוֹת נְמָלִים שְׁחוּרוֹת.

תִּיק הָאֵלְמָנָה הַשְּׁחֹר מְבָרִיק
בְּשֶׁמֶשׁ הָעֶרְבִים. שְׂאֵתָה אֲבִינוּ,
שֶׁהוּא מְלַכְנוּ, שְׂאִין מוֹשִׁיעֵנוּ בְּזֶמַן הַזֶּה.

Да, Он наш царь. Да, во дни наши нет нам Мессии.²⁵

[יז]

(18)

Могилы в Иерусалиме, как входы в пещеры
Глубокие в день их закладки.
Потом уже не продолжают копать.

הַקְּבָרִים בִּירוּשָׁלַיִם הֵם פְּתָחַי מְנַהֲרוֹת
עֲמֻקּוֹת בַּיּוֹם חָג חֲנֻכָּתָם.
אַחֵר כִּךָּ לֹא מִמְּשִׁיכִים לַחֲפָר.

Надгробья – роскошные краеугольные камни
Зданий, которые не построят вовек.

הַמַּצְבוֹת הֵן אֲבְנֵי יִסֹּד מְפָאָרוֹת
לְבִנְיָנִים שֶׁלֹּא יִבְנוּ לְעוֹלָם.

[יט]

(19)

Бог построил Иерусалим, как старый моряк,
Который строит модель корабля в бутылке.
Зачем? Ведь судно в море было бы лучше
И плыло бы. Город в высоком небе был бы красивее всех.²⁶

אֱלֹהִים בָּנָה אֶת יְרוּשָׁלַיִם, כְּמוֹ סֵפֶן זָקֵן
שֶׁעָשָׂה אֲנִיָּה קֶטְנָה בְּתוֹךְ בִּקְבֹּוק.
לָשֵׁם מָה ? הֲרִי אֲנִיָּה בַיָּם טוֹבָה יוֹתֵר
וְנוֹסַעַת. וְעִיר בְּשָׁמַיִם הַגְּדוֹלִים יִפָּה מִכֵּלָן.

[כ]

(20)

У Баруха бен-Нерия²⁷ есть переулок,
Названный его именем, около рынка.
Я обнаружил его этой весной.

לְבָרוּךְ בֶּן נְרִיָּה יֵשׁ סִמְטָה קֶטְנָה
שֶׁנִּקְרָאת עַל שְׁמוֹ, לֹא רְחוֹק מִן הַשּׁוּק.
גָּלִיתִי אוֹתָהּ בְּאַבִּיב הַזֶּה.

О Барух, человек благородный,
Смелым он был , как цветенье, и силен,
Как слёзы, которые прорываются сквозь
Глаз тяжёлый истории. Никогда

הוּא בָרוּךְ, הָאִישׁ הָאֲצִיל הַזֶּה,
שֶׁהָיָה אִמִּץ כְּפָרִיחַ וְגִבּוֹר
כְּדָמְעוֹת הַמִּבְקִיעוֹת אֶת הָעֵין
הַקָּשָׁה שֶׁל הַהִיסְטוֹרִיָּה. בְּעֶצְמוֹ
לֹא בָכָה מְעוֹלָם.

²⁵ Переименованная цитата из утренней молитвы "Шахарит": "Ты Господь, Отец наш, Царь наш ... И наш Спаситель".

²⁶ В еврейской традиции всегда различался верхний (небесный) Иерусалим и нижний (земной).

²⁷ Барух бен-Нерия бен-Махсейа (6 век до н.э.) – оказал большое влияние на пророка Иеремию и помогал в распространении его пророчеств, стойко перенося невзгоды времён падения Иудейского царства и вавилонского пленения.

Он не плакал.

Сейчас подобен Иерусалим той,
Что хочет, чтобы все любящие её,
Любили друг друга,
И знает, что это не так.

(21)

Иерусалим – это место, о котором все помнят,
Что забыли там что-то,
Но не помнят, что именно.

И для того, чтобы вспомнить,
Я надеваю на лицо своё лицо моего отца.

Это мой город, здесь наполняются сосуды моих снов,
Как кислородные баллоны ныряльщиков перед погруженьем.

Святость в нём
Превращается иногда в любовь.

И вопросы, задаваемые в этих горах,
Остаются всё теми же: ты не видел моего стада?
Ты не видел моего пастуха?

И дверь моего дома открыта,
Как могила, покинутая в день воскресения мёртвых.

(22)

Это конец пейзажа. Среди блоков
Бетона и ржавеющего железа стоит
Смоковница с грузом тяжёлых плодов.

עָכְשׁוֹ יְרוּשָׁלַיִם כְּמוֹ אַחַת
שְׂרוּצָה שְׂכָל הָאוֹהֲבִים אוֹתָהּ
יִהְיוּ גַם זֶה אֶת זֶה,
וְהִיא יוֹדַעַת שְׁלֹא.

[כא]

יְרוּשָׁלַיִם, מְקוֹם שֶׁהִכֵּל זִכְרִים
שֶׁשָׁכְחוּ בּוֹ מִשְׁהוֹ
אֲבָל הֵם אֵינָם זִכְרִים מֵהַ שָׁכְחוּ.

וּלְצִרָה זְכִירָה זוֹ אֲנִי
חוֹשֵׁב עַל פָּנַי אֶת פָּנֵי אָבִי.

זֹהִי עִירִי שֶׁבָּהּ מִתְמַלְאִים כָּלִי חֲלוּמוֹתַי
כְּמוֹ מְכָלִי חֲמָצָן שֶׁל צוֹלָלִים לְצִלָּל.

הַקִּדְשָׁה בָּהּ
הוֹפֶכֶת לַפְּעִמִּים לְאַהֲבָה.

וְהַשְׂאֵלוֹת שֶׁשׁוֹאֲלִים בְּהָרִים הָאֵלֶּה
נִשְׁאָרוּ כְּתִמִּיד : רְאִיתָ אֶת הַצֹּאן שְׁלִי ?
רְאִיתָ אֶת הָרוֹעֶה שְׁלִי ?

וְדֹלֶת בֵּיתִי פְתוּחָה
כְּמוֹ קֶבֶר שֶׁמִּתּוֹכּוֹ קָמוּ לְתַחִיָּה.

[כב]

זֶה הַסּוּף שֶׁל הַנוֹף. בֵּין גּוּשֵׁי
בֶּטוֹן וּבִרְזֵל מִחֲלִיד עוֹמֵד
עַץ תְּאֵנָה נוֹשֵׂא פְרוֹת כְּבִדִּים

אֲבָל אֶפְלוּ יְלָדִים לֹא בָאִים לְקַטֵּף.

Но даже дети не приходят их собирать.
Это конец пейзажа.
Внутри труп матраса, гниющего в поле,
Остались пружины, как души.

Отдаляется дом, в котором я жил,
Свет горящий оставлен в окне
Не для того, чтоб слышали, - только, чтоб увидали.²⁸
Это конец.

Полюбить снова – проблема,
Как у архитектора в старом городе: надо
Строить на прежнем месте
Так, чтоб выглядело, как раньше, но современно.

(23)

Девятнадцать лет город был разделён –
Время жизни юноши, павшего, может быть, на войне.
Я с тоской вспоминаю тот покой, ту тоску.
Сумасшедшие пересекали, бывало, разделявший город забор:
Он был прорван врагами.
Влюблённые до него доходили и пробовали,
Как акробаты в цирке пробуют сетку
Перед отчаянно смелым прыжком.
Ничейные полосы в городе были вроде спокойных заливов,
И плыла тоска наверху в небесах,
Как корабли, чьи якоря в нас вонзились и вызывали
Сладкую боль.

(24)

ובתוך נבלת מזרן הנרקב בשדה
נשארו הקפיצים כנשמות.

הבית שגרתי בו מתרחק,
האור השאר דלוק בחלון
למען לא ישמעו ורק יראו.
זה הסוף.

ולאהב מחדש הוא כמו בעיה
של אדריכלים בעיר ישנה : לבנות
שוב במקומות שכבר היו
שייטת כמאז ובכל זאת של עכשו.

[כג]

תשע עשרה שנה הייתה העיר מחלקת
כמשך חיי אדם צעיר שאולי נפל במלחמה.
אני זוכר בגעגועים את השלל ואת הגעגועים.
משגעים היו עוברים את הגדר החוצה,
אויבים פרצו אותה,
אוהבים נגשו עדיה ובדקו אותה,
כמו לוליגי קרקס הבודקים את הרשת
לפני קפיצתם הנועזת.
שטחי הפקר היו בה כמפרצים רוגעים
וגעגועים שטו בשמים מעל,
כאניות שעגניהן ננעצו בנו
והכאיבו מתוך.

[כד]

את התצלומים של ירושלים המחלקת
שורפים, ואת מכתבי האהבה

²⁸ В еврейских молитвах часто повторяется выражение "чтобы увидели и убоялись" (ирау), что созвучно слову "увидели" (ирьу).

Сжигают фотоснимки разделённого Иерусалима
И любовные письма прекрасные
Тихой возлюбленной.

Вернулась - богатая, здоровая, шумная,
С золотом, медью, камнями
К сытой законной жизни.

Но я не люблю её
И вспоминаю порою ту, тихую.

(25)

Старый учитель гимнастики загорает
На солнце возле стены. Далеко от его головы
Начищенные ботинки, а вверху изгибается,
Морщится тоска, подобно хрупкой бумаге.
Я не знал, что учителя гимнастики могут быть
Печальны. Он устал,
Ему хочется только одного:
Чтоб красивая туристка за соседним столом
Встала и прошла перед ним, качая
Округлым задом, привезенным ею из-за границы.
Больше не нужно ему ничего.

(26)

Давид бен-Ишай.²⁹ Могила вечером перед субботой.
Вокруг покойно: ведь он никогда тут и не был. Мне нравится
Этот заброшенный уголок с его памятным садиком,
Запах воска (как все запахи женщины, которую раньше любил

היפים כל כך של אהובה שקטה.

חזרה הגבירה השלמה והרועשת
עם הזקב והנחשת והאבנים
לחיים שמנים וחקיים.

אבל אני לא אוהב אותה,
אני זוכר לפעמים את השקטה.

[כה]

מורה התעמלות זקן משחים
בשמש ליד החומה. נעליו מצחצחות
הרחק מראשו, ולמעלה מתפופפים,
מתקמטים הגעגועים כנר פריך.
לא ידעתי שמורי התעמלות יכולים
להיות עצובים. הוא עיף
ולא רוצה דבר מלבד זה,
שהתירת היפה היושבת בשלחן לידו
תקום לפניו ותתהלך בניע עכזיה
העגלים שהביאה מארצותיה.
לא רוצה דבר יותר.

[כו]

קבר דוד בן ישי ביום ששי לפנות ערב
בשלות לא היותו כאן מעולם. אני אוהב
את המקום העזוב עם גנות נשמה אמתיות,
עם ריח שעווה כמו כל ריח אשה שפעם אהבתי,
אשר הזמן וכאב הזמן עשו אותה ליפה מכלן.

²⁹ דאָויד בן-ישׂאי – царь Давид, сын Ишай.

И которую время и боль времени сделали самой красивой из всех).

Здесь в пустых залах я должен снова говорить правду
И плакать в сгиб локтя,
И смеяться в пустую ладонь, как больной при кашле.

Из овец для закланья ни одна здесь теперь не проблеет,
Ни один язык не будет лизать слова между камнями,
Все ушли на бурлящий рынок дешёвых молитв,
Вниз, на весёлую ярмарку у Стены плача.

Могила Давида. Она открывается в час, когда
закрывают ворота,³⁰
И остаётся открытой. Город духов искателей золота,
Пустая квартира: один постоялец ушёл, других пока нет,
Тело, что вскрыли и снова зашили, оставив на тихую смерть.

Но своего последнего сына назвал я Давидом.

(27)

Игрушки богатого бога – единственного и избалованного.
Куклы, ангелы, мраморный шарик, колокольчик, стекло,
Золотые колёсики, связки свирелей.

Но игрушки бедных детей бедного бога.
На праздник трещотки к молитве, ветки пальмы
Сухие, маца и нет более дорогого,
Чем склянка дешёвых духов,

כָּאן, בְּאוֹלָמוֹת הַרִיקִים אֲנִי צָרִיךְ לְדַבֵּר שׁוּב אֶמֶת
וְלִבְכוֹת לְתוֹךְ פְּנִים הַמֶּרְפֵּק
וְלִצְחָק לְתוֹךְ כֹּף יָד חֲלוּלָה כִּיּוֹרֵק חוֹלָה.

אֶף כָּבֵשׁ תִּפְלָה אֶחָד אֵינוֹ פּוֹעֵה כָּאן.
אֶף לְשׁוֹן לֹא תִלְחַךְ עוֹד מַלִּים בֵּין אֲבָנִים.
כָּלֵם הֵלְכוּ לְשׁוֹק הַגּוֹעֵשׁ שֶׁל תְּפִילוֹת זּוֹלוֹת
יָרְדוּ לִירִיד הָעֵלִיז שֶׁל הַכֶּתֶל הַמַּעֲרָבִי.

קָבֵר דָּוִד, שַׁעַר שְׁנִפְתָּח לַעֵת נְעִילַת הַשַּׁעַר
וְנִשְׁאַר פְּתוּחַ. עִיר רַפָּאִים שֶׁל מַחֲפָשִׁי זָהָב.
דִּירָה רִיקָה בֵּין דִּיר וְדִיר.
גּוֹף שְׁנִתְּחוּ אוֹתוֹ וְסָגְרוּ אוֹתוֹ שׁוּב לְמוֹת בְּשִׁקָּט.

אֲבָל אֲנִי קָרָאתִי לְבְנִי הָאֲחֵרוֹן, דָּוִד.

[כז]

צַעֲצוּעִים שֶׁל אֵל יַחֲיד עֹשִׂיר וּמִפְנֵק.
בְּבוֹת, מְלָאכִים וְגִלוֹת שִׁישׁ, פַּעֲמוֹן וְזִכּוּכִית.
גִּלְגָּלִי זָהָב וְצִרְרוֹת חֲלִילִים.

אֲבָל הַצַּעֲצוּעִים שֶׁל יְלָדִים עֲנִיִּים
שֶׁל אֵל עֲנִי. רַעֲשֵׁי תִפְלוּוֹת, עֲנִפִּי
תִּמְרֵי יְבֻשִׁים, מִצּוֹת. לְכָל הַיּוֹתֵר
קִפְסַת בְּשָׂמִים זּוֹלִים
עִם דְּגִלּוֹן קָטָן שֶׁמֶסְתִּיבֵב.

³⁰ В молитве Судного дня евреи обращаются к Всевышнему с просьбой "открыть врата в час, когда врата закрываются", т.е. дать им надежду.

Над которой кружится флажок.³¹

(28)

Чьё лицо здесь спокойнее всех?
Звонит колокол на горе Сион.
Кто идёт там на гору Мориа?
Дети идут с родителями в субботу,
Едят гниль миндаля с плесенью шоколада.

Кто не накрывал здесь стол?
Цари, полководцы, пророки,
Что играли в кости на игрушечный Иерусалим,
А потом разбрасывали по всему свету.

Кто-нибудь видел голый Иерусалим?
Даже археологи не видали.
Никогда не разоблачался он до конца,
Всегда в новые одевался дома
Поверх ветхих, разрушенных и разбитых.

(29)

Люди уезжают далёко затем,
Чтобы сказать: мне это напоминает другое место...
Тут так и было... это похоже. Но я
Был знаком с человеком, который уехал в Нью-Йорк
С целью самоубийства. Он утверждал, что дома́
В Иерусалиме слишком низки и что тут его знают.

Я поминаю его добром за то, что он вызвал

[כח]

למי הפנים השקטות ביותר כאן ?
מצלצל הפעמון מהר ציון.
מה הולך להר המזריה ?
ילדים הולכים עם הוריהם בשבת
ואוכלים שקדים רקובים ועבש שוקולד.

מי לא סדר את השלחן ?
מלכים ומצביאים וגם נביאים
ששחקו בקביעות על ירושלים השלחן
ואחר כך פזרו על כל העולם.

מי, פעם, ראה את ירושלים ערמה ?
אפילו ארכיאולוגים לא ראו.
כי לעולם לא התפשטה עד הסוף.
תמיד לבשה בתים חדשים
על הבלויים והנקרעים והנשברים.

[כט]

אנשים נוסעים הרחק כדי
לומר : זה מזכיר לי מקום אחר.
זה כמו אז, זה דומה. אבל
אני הכרתי איש שנסע לניו יורק
כדי להתאבד. טען שבתי ירושלים
נמוכים מדי ושמירים אותו.

אני זוכר אותו לטובה, שהוציא
אותי מן הכתה באמצע השעור :

³¹ Здесь пышные украшения христианских церквей сравниваются со скромными атрибутами еврейских праздников

Меня из класса посреди урока:
«Красивая женщина ждёт Вас снаружи, в саду»
И утихомирил шумящих детей.

Когда я думаю об этой женщине и о саде,
Я вижу его на высокой крыше –
Одиночество смерти его и его одиночества смерть.

(30)

Друзья мои вечером дома,
Их печаль – вечера этого аромат,
Их счастье мне увлажняет глаза.

До войны жили они вдоль границы,
Сильны, как берег крутой. Сейчас плывут,
Захваченные внезапным приливом,
Легки, как нанос, бог их – пена.

Друзья мои, нет углов у моей души,
Трудно меня ухватить и использовать в кладке.
Через щели во мне прорываются солнце и горе.

Отец, я не вышел по формам, которые ты изготавил,
Сейчас они пусты, как камни вокруг
И как другие дома.

По всему, что я вижу в окне, я провожу пальцем
Горизонтальную линию, как проводят,
Чтобы легче читать строку.

(31)

"אִשָּׁה יָפָה מְחַכָּה לְךָ בַּחוּץ, בְּגֵן"/
וְהִרְגִיעַ אֶת הַיְלָדִים הַרוֹעִשִׁים.

כְּשֶׁאֲנִי חוֹשֵׁב עַל הָאִשָּׁה וְהַגֵּן,
אֲנִי זוֹכֵר אוֹתוֹ עַל הַגַּג הַגְּבוּהָ,
אֶת בְּדִידוּת מוֹתוֹ וְאֶת מוֹת בְּדִידוּתוֹ.

[ל]

יְדִידִי בְּבֵיתֶם הָעֶרֶב,
עֲצֻבוֹתֶם הִיא הַבֶּשֶׁם שֶׁל הָעֶרֶב הַזֶּה,
אֲשֶׁרֶם מְבִיא לַחַיִּית לְעֵינַי.

עַד לְמַלְחָמָה גָּרוּ לְאֶרֶץ הַגְּבוּל
חֲזָקִים כְּחוֹף תְּלוּל. עֲקָשׁוֹ הֵם שְׂטִים
קָלִים כְּסַחֲף שְׁהֲגָאוֹת
הַפְּתִיעָה אוֹתוֹ. הַקֶּצֶף הוּא אֱלֹהֵיהֶם.

יְדִידִי, נִפְשִׁי עֲגְלָה וְאֵין בָּהּ זְוִיאוֹת
לִכֵּן קָשָׁה לְהַצְמִיד אֵלַי וּלְהַשְׁתַּמֵּד בִּי בְּבִנְיָן,
יֵשׁ רוּחִים לְפָרִיצַת שְׁמֶשׁ וְיָאוֹשׁ.

אָבִי, לֹא יָצֵאתִי לְפִי הַתְּבִנְיוֹת שֶׁהִכְנֵתָ,
הֵן רִיקוֹת עֲקָשׁוֹ כְּאֲבָנִים סְבִיב
וּכְבִּתִּים אַחֲרֵיהֶם.

אֲנִי מַצְבִּיעַ עַל מָה שֶׁנִּרְאָה מִחִלּוֹנִי
בְּקוּיִם מְאֻזְנִים, כִּיד שְׁעוֹזֶרֶת
לְקֶרֶא שׁוֹרוֹת בְּסֹפֶר.

[לא]

Четыре синагоги зарылись в землю рядом ³²
 От бомбёжек господних.
 В одной - ковчег Торы с тайником для сластей
 И сладкая смесь из божественных слов благословенного года
 В красивых баночках для детей,
 Чтобы, стоя на кончиках пальцев,
 могли облизывать золотую палочку.
 Есть там и печки с чолном и кашей бурлящей.
 Во второй – четыре крепких столба для вечной хупы
 Над ушедшей любовью.
 Третья – старая баня с окошками сверху
 И с книгами Торы, голыми и снимающими с себя
 Одежды. «Ответь нам, ответь нам». ³³
 В облаках дыма и белого пара:
 Ответь нам, ответь нам – до полной потери чувств.

И четвёртая:
 Из того, что осталось у Бога.

Да, вот шатры твои, Яков, в пучинах. ³⁴
 «Отсюда начнётся спуск. Оставаться на месте,
 Покуда не будет дан знак». ³⁵
 Как полёт, где посадки не будет вовек.

(32)

אַרְבַּעָה בְּתֵי כְּנֶסֶת הַתַּחֲפָרוֹ יִחָדּוּ בְּאֶדְמָה
 נֶגֶד הַפְּצוּצוֹת הָאֱלֹהִים.
 בְּאַחַד, אַרְוֹנוֹת קֹדֶשׁ עִם מִמְתָּקִים חֲבוּיִים
 וּמִרְקָחַת מִתּוֹקָה שֶׁל דָּבָר אֲדֹנִי מַעֲוָנָה בְּרוּכָה
 בְּצִנְצָנוֹת יָפוֹת. בְּשִׁבִּיל יְלָדִים
 לַעֲמֹד עַל קְצוֹת הָאֲצָבָעוֹת וּלְלַקֵּק בְּאֲצָבַע זָהָב.

גַּם תַּנּוּרִים עִם חֲמִין וְדִיסָה גּוֹלֶשֶׁת
 בְּשֵׁנִי, אַרְבָּעָה עֲמוּדִים חֲזָקִים לַחֲפֵת נֶצַח.
 בְּדִיעֶבֶד אֶהְבֶּה.
 הַשְּׁלִישִׁי, בֵּית מְרוֹחֵץ יֶשֶׁן עִם אֲשָׁנָבִים לְמַעַלָּה,
 וְסִפְרֵי תוֹרָה עֶרְמִים אוֹ מִתְּפַשְׁטִים
 מְשֻׁמְלוֹתֶיהֶם. "עֲנֵנוּ, עֲנֵנוּ"
 בְּעֲנֵנֵי קִיטוֹר וּבְאֲדִים הַלְבָּנִים
 עֲנֵנוּ עֲנֵנוּ עַד אֲבֹדן הַחוּשִׁים.

הָרְבִיעִי :
 מִתּוֹךְ הָעֶזְבוֹן שֶׁל הָאֱלֹהִים.

כֵּן. אֵלֶּה אֶהְיֶה יַעֲקֹב בְּמַעֲמָקִים.
 "מִכָּאן תִּתְחִיל הִירִידָה. לְהִשָּׂאֵר
 בְּמִקְוֹמוֹת עַד הַנֶּתָּן הַסִּימָן",
 כְּמוֹ בְּטִיסָה שְׁלֵעוֹלָם לֹא תִנָּחַת.

[לב]

³² Четыре средневековые подземные сефардские синагоги находятся в Старом городе Иерусалима.

Чолнт – кушанье, которое готовится накануне субботы и остаётся горячим до трапезы. Хупа – свадебный балдахин.

«...с книгами Торы, ... снимающими с себя одежды...». Книга Торы представляет собой свиток, хранящийся в специальном чехле-футляре.

«И четвертая: из того, что оставалось у Бога». Возможно, намёк на то, что одна из синагог – небольшое проходное помещение.

³³ "Ответь нам, ответь нам" – часто встречающееся выражение в молитвах.

³⁴ В Торе рассказывается, что прорицатель и колдун Билам (Валаам) был нанят моавитянами, чтобы проклясть народ Израиля (Якова), но по внушению Всевышнего стал вместо этого восхвалять евреев: «Как хороши шатры твои, Яков...»

³⁵ «Оставаться на месте...» – напоминает и указание стюардессы, и команду охраны фашистского концлагеря вновь прибывшим узникам.

На площадке, бывшей местом свиданий влюблённых,
Разместился румынский цирк.

Вкруг закатного солнца струдились облака,
Как беженцы в убежищах чужого края.

Человек двадцатого века
Отбрасывает византийскую тёмно-лиловую тень.

Женщина прикрывает глаза, подняв руку
С позвякивающей виноградной гроздью.

Боль нашла меня среди улицы,
Свистнула своим друзьям: вот ещё один.

На могилу отца устремились дома-новостройки,
Как колонны танков. Она осталась гордой и устояла.

Мужчина, у которого нет ничего общего с миром грядущим,
Лежит с женщиной, у которой есть.

Их страсть усиливается
Воздержанием всех живущих в окрестных монастырях.

Вот - этот дом, где любовь на карнизе
И одиночество в сваях.

«С крыши видно...» или «В будущем году...»³⁶ —
Между двух этих фраз проходят время и мир.

В этом городе уровень грунтовых вод
Всегда ниже уровня мёртвых.

במגרש שהיה קפנדריית אוהבים
חונה קרקס רומני.

ליד השקיעה מתנודדים עננים
כפליטים בעיר מקלט זרה.

איש מן המאה העשרים
מטיל צל ביזנטי סגל-כהה.

אשה מצלה על עיניה ביד מורמת
בצלצול אשכול ענבים מורם.

כאב גלה אותי ברחוב
הוא שרק לחבריו : הנה עוד אחד.

על קבר אבי שטפו בתים חדשים
כטורי טנקים. הוא נשאר גאה ולא נכבש.

איש שאין לו חלק בעולם הבא
שוכב עם אשה שיש לה.

תשוקתם מחזקת
על ידי כל המתאפקים במנזרים סביב.

הבית הזה עם אהבה בפרכב
ובדירות במקום תמוכה.

"מן הגג רואים" או "בשנה הבאה"
בין שני אלה מתנהל עולם וזמן.

בעיר הזאת מפלס המים תמיד
מתחת למפלס המתיים.

³⁶ Традиционное пожелание: "В будущем году в отстроенном Иерусалиме!"

(33)

Песня рождения. Познание вод вокруг нас
Начинаем со слёз.
Иногда я люблю воду, иногда - камень.
Сейчас, мне кажется, больше люблю камни.
Но это может измениться.

(34)

Пусть гора памяти вспомнит вместо меня,
Это её дело. Пусть вспомнит сад памяти,
Пусть вспомнит улица имени,
Дом известный пусть вспомнит,
Дом молитвы, имя Бога носящий, пусть вспомнит,
Свиток Торы пусть вспомнит. Пусть вспомнит
Поминальный "Изкор". Пусть вспомнят флаги
И цветной саван истории тел,
Что давно стали прахом. Пусть вспомнит тот прах,
Мусор возле ворот³⁷, плацента пусть вспомнит.
Звери в поле и птицы небесные пусть, насытившись, вспомнят.
Пусть вспомнят все, чтобы я упокоиться мог.

(35)

Летом один народ приходит к другому,
Посмотреть на нагую землю его.

Иврит и арабский, как два
Камня гортанных, как нёба песок,
Размягчились, подобно маслу, ради туристов.

[לג]

שִׁיר מוֹלָדֶת. הַכֶּרֶת הַמַּיִם שֶׁל הַסְּבִיבָה
מִתְחִילָה בְּדַמְעוֹת.
לְפַעֲמִים אֲנִי אוֹהֵב מַיִם, לְפַעֲמִים אֶבֶן.
עַכְשָׁיו אֲנִי נוֹטֶה חֹסֵד יוֹתֵר לְאַבְנִים.
אך זֶה עָשׂוּי לְהִשְׁתַּנּוֹת.

[לד]

שֶׁהַר הַזְכָּרוֹן יִזְכֹּר בְּמִקוֹמִי,
זֶה תִּפְקִידוֹ. שֶׁהֶגֶן לִזְכֹּר יִזְכֹּר,
שֶׁהַרְחוֹב עַל שֵׁם יִזְכֹּר,
שֶׁהַבִּנְיָן הַיְדוּשׁ יִזְכֹּר,
שֶׁבֵּית הַתְּפִילָה עַל שֵׁם אֱלֹהִים יִזְכֹּר,
שֶׁסֶּפֶר הַתּוֹרָה הַמִּתְגַּלְגֵּל יִזְכֹּר,
שֶׁהַיִּזְכֹּר יִזְכֹּר. שֶׁהַדְּגָלִים יִזְכְּרוּ,
הַתְּכָרִיכִים הַצְּבָעוֹנִיִּים שֶׁל הַהִיסְטוֹרִיָה, אֲשֶׁר
הַגּוֹפִים שֶׁעֲטָפוּ הִפְכוּ אֶבֶן. שֶׁהָאֶבֶן יִזְכֹּר.
שֶׁהָאֲשָׁפָה תִזְכֹּר בְּשַׁעַר. שֶׁהַשְּׁלִיָה תִזְכֹּר.
שֶׁחֵית הַשָּׂה וְעוֹף הַשָּׁמַיִם יֹאכְלוּ וְיִזְכְּרוּ,
שֶׁכֶּלֶם יִזְכְּרוּ. כְּדִי שְׂאוּכַל לָנוּחַ.

[לה]

בְּקִיץ בָּאִים עַמִּים, הָאֶחָד אֶל הַשֵּׁנִי
לִרְאוֹת זֶה לָזֶה אֶת עֶרְוַת אֶרְצוֹ.

עִבְרִית וְעֵרַבִּית, שֶׁהֵן
כְּאַבְנִים גְּרוֹנִיּוֹת וְכַחֲזוֹל שֶׁל חָךְ,
הַתְּרַכְּכוּ כְּשֶׁמֶן בְּשִׁבִּיל תִּיָּרִים.

³⁷ Намёк на Мусорные ворота в стене Старого города Иерусалима.

Джихад и война Завета
Лопаются, будто плоды инжира.

Сеть труб выпячивается в Иерусалиме,
Как жилы и вены усталого старика.

Дома его, словно зубы в челюсти нижней:
Без толку жуют,
Потому что вверху пусты небеса.

Возможно, Иерусалим – мёртвый город,
В котором все люди
Ползают вроде червей и личинок.

Временами бывает праздник у них.

(36)

Каждый вечер Господь вынимает из яркой витрины
Свой чудесный товар –
Мироздания тайны, скрижали Завета, прекрасные перлы,
Блестящие колокола и кресты,
Возвращает их внутрь тёмных шкатулок,
Опускает все шторы: «Опять
Ни единый пророк не пришёл покупать».

(37)

Все эти камни, всю эту печаль и весь свет,
Осколки часов полуночных и пепел полудня,
Все искривлённые святости трубы,
Ржавые нимбы и стену, все башни её,
Все эти пророчества с недержанием старцев,
Потные ангелов крылья, вонючие
Свечи, искусственный этот туризм,

ג'יהד ומלחמת מצוה
מתפוצצות כתאנים.

רשת צנורות ירושלים בולטת
כעורקים וגידים של זקן עיף.

בתיה כשנים בלסת תחתונה
הטוחנות לשוא,
כי השמים ריקים מעליה.

אולי ירושלים עיר מתה
שבה כל בני האדם
רוחשים כתולעת וכרמה.

לפעמים יש להם חגיגות.

[לו]

כל ערב מוציא אלהים את סחורותיו
המבריקות מחלון הראווה
מעשי מרכבה, לוחות ברית, פנינים יפות
צלבים ופעמונים זוהרים.
ומחזיר אותם לתוך ארגזים אפלים
בפנים וסוגר את התריס: "שוב
לא בא אף נביא אחד לקנות".

[לז]

כל האבנים האלה, כל העצב הזה, כל
האור, שברי שעות לילה ואפר צהרים,
כל הצנרת המעקמת של קדשה,
כתל ומגדלים והלות חלודות,
כל הנבואות שלא יכלו להתאפק כזקנים,
כל הכנפים המזעות של מלאכים,
כל הנרות המסריחים, כל התירות התותבת,

Избавленья навоз, жажду ахать и трахать,
Мусор небытия времени, бомб и любви,
Всю эту пыль и все кости в процессе
Воскресенья из мёртвых и возрождения духа,
Всю эту любовь,
Все эти камни, всю эту печаль...

Взять бы их все и наполнить ущелья
Вокруг. Пусть Иерусалим превратится в равнину,
Откуда сладостный мой самолёт
Унесёт меня вверх навсегда.

(38)

И, несмотря на всё это, я должен
Любить Иерусалим и всегда помнить того,
Кто пал за него на Мосту маслобойни,³⁸
Чья смерть стала водоразделом

גללי גאלה, אשר ואשר
אשפת האין פצצה וזמן,
כל האבק, כל העצמות האלה
בתהליך התחיה ובתהליך הרוח,
כל האהבה הזאת, כל
האבנים האלה, כל העצב הזה.

למלא בהם את הגיאיות סביב לה,
כדי שירושלים תהיה למישור
למען מטוסי המתוק
שיבוא לקחת אותי אל מעלה.

[לח]

ואף על פי כן אני חייב
לאהב את ירושלים ולזכור את זה
אשר נפל עליה בגשר גת שמנים,
אשר מותו היה פרשת המים

³⁸ Имеются в виду бойцы израильской армии, погибшие ночью на мосту у стен Старого города против иерусалимских "Ворот милосердия" между Храмовой горой и Масличной при освобождении города в июне 1967г. (По пророчеству эти ворота, заложенные сейчас камнями, откроются только с приходом Мессии.)

В книге Моше Натана "Война за Иерусалим" (1968г.) глава, где описывается этот эпизод, заканчивается так:

"О Бог, преисполненный милосердия..." – написано в одном из стихотворений Амихая, любимых Яаковом Илемом и найденных в вещмешке после его смерти:

"О Бог, преисполненный милосердия... /в котором всё милосердие/
Если бы не Бог, преисполненный милосердия, /в котором всё милосердие/ ...
Было бы милосердие в мире, а не только в нём.
...Я, выносивший трупы с холмов,
Могу рассказать, что в мире нет милосердия"....

....Стихотворение это широко известно не только благодаря своему содержанию, но и из-за эффектной игры слов в оригинале: "эль мале" – "бог, преисполненный" пишется так же, как и "ильмале" – "если бы не", только не слитно, а "гвийот" – "трупы" созвучно "гваот" – "холмы". Но, как часто бывает у Амихая, здесь есть и другой смысл: для христиан это место между Храмовой горой и Масличной горой (поток Кедрон и Гефсиманский сад) связано со смертью Иисуса.

Между одной памятью и другою и между
Надеждой одной и другой, и который
Был этой землёй и её плодом,
В котором сплелись воедино
Ангелов крылья, их трубы и пальмовый лист,
Того, кто и есть все спасенья, утешенья и смерти
Во имя небес и земли,
Кто встал и стоял, кто стоял и упал,
И чьё тело – ворота ещё одни в этой стене,
И чей голос – голос народа, как в день воскресения мёртвых,
Кто в каждом мече - как меч, как ночь -
В каждой ночи, кто слышен, как шум в тишине.
И сейчас подымается он, движим лёгким дыханьем
Тихо спящего малыша, растворяясь в небесном блаженстве,
И весь Иерусалим – смысл смерти его.

(39)

В Иерусалиме, который
Вечно стоит
В святости, в славе своей,
Двое легли в кровать –
Создать
Нового,
Счастливого человека.

בֵּין זְכוֹרוֹן לְזְכוֹרוֹן, בֵּין תְּקוּהָ לְתְּקוּהָ,
אֲשֶׁר הִיָּה הָאָרֶץ וּפְרִי הָאָרֶץ,
אֲשֶׁר לִוְלֵב וְהַצּוּצוֹת וּכְנָפֵי מְלָאכִים
הָיוּ בּוֹ לְצִרוֹר אֶחָד, אֲשֶׁר אֶת
הַיְּשׁוּעוֹת וְהַנְּחֻמוֹת וְהַמִּיתוֹת
לְשֵׁם שְׁמַיִם וּלְשֵׁם הָאָרֶץ,
אֲשֶׁר קָם וְעָמַד, אֲשֶׁר עָמַד וְנָפַל
וְגִוְפוֹ שָׁעַר נֹסֵף בְּחֹמָה
וְקוּלוֹ הַמּוֹן כְּהַמּוֹן בְּתַחֲתֵי הַמַּתִּים,
אֲשֶׁר לַחֲרֹב לַחֲרֹב, אֲשֶׁר
לְלִילָה לְלִילָה וְאֲשֶׁר לְרַעַשׁ לְדִמְמָה.

מִמָּנָע עַל יְדֵי נְשִׁימַת יֶלֶד קָטָן וַיָּשָׁן
הוּא עוֹלָה עִכְשָׁו וּמִתְרַחֵב בְּשִׁמְחָה שֶׁל מַעֲלָה
וְכָל יְרוּשָׁלַיִם פְּרוֹשׁ לְמוֹתוֹ.

[לט]

בִּירוּשָׁלַיִם שְׁתַּמִּיד
עוֹמֶדֶת
מִתּוֹךְ כְּבוֹד וּמִתּוֹךְ קִדְשָׁהּ,
שְׁנֵי שׁוֹכְבִים יַחְדָּו
עַל הַמֶּטָה
לַעֲשׂוֹת
אָדָם חָדָשׁ וּמֵאֲשֶׁר.